БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА

ВЪ ОСЬМИ КНИГАХЪ.

Новое издание, вновь исправленное и умно-
женное.

Иждивеніемъ книгопродавца Слирдина.

Цѣна въ С. Петербургѣ и Москвѣ 4 руб., съ пере-
сылкою на города 5 рублей ассигнаціями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра [illegible]

1830.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 26 Апрѣля 1850 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

2010517045

II.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Съ Тростникой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
« Поистинѣ, ропщешь ты въ правъ на природу, »
Сказалъ онъ воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣперокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься спрошливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ непарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей; мнѣ все кажется зефиромъ:
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела

Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.»—
«Ты очень жалостливъ,» сказала Трость въ
[illegible] отвѣтъ:
«Однако не крушись: мнѣ [illegible] худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится, къ землѣ Тростиночка
припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, — и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался,
И въ области пѣней пятою упирался.

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И замашилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй мы меня!» сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ.» —
«То правда,» отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ.
«Они немножечко дерутъ;
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.»

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата жили:
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣлъ
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ: летѣлъ,
Увидѣлъ, осмотрѣлъ
Диковинки земнаго круга,
Ложь съ истиной сличилъ, повѣрилъ былъ съ молвой.
«Куда ты,» говоритъ сквозь слезъ ему другой:
«Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный, когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны,

И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это вѣрно къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой:
Куда жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю.
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.
Все стану надъ тобой бояться я несчастья.
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?»

Растрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль братца, да летѣть охота вель.
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
— «Не плачь, мой милый,» такъ онъ друга утѣшаетъ:
«Я на три дня съ тобой, не больше, разлучусь:
Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ,
И, осмотрѣвъ, что есть диковинкѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.

Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть
словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все разкажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ
живо,
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту
со мной.»
Тутъ (дѣлать нѣчего) друзья поцѣловались,
Проспались и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ: вдругъ
въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь
кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ
глаза попался.
Кой-какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ Голубокъ;
Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не
могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и
продрогъ.
Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ,—летитъ и видитъ
отъ:

Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился: въ сѣти шутъ попалась наша птичка.
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется.
По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ.
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется;
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:
Откуда ни взялся ястребъ злой.
Не взвидѣлъ свѣта Голубь мой:
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы вкоротѣ, совсѣмъ истощены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ
Тогда орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой,
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ Голубь милой,
Внизъ камнемъ рипувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ, черепкомъ кидая въ Голубка

(Сей возрастъ жалости не знаетъ),
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услугу, лекаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О, вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!
Вы эту басеньку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся не вдругъ!
Что бъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

№ 9. ЛЯГУШКА и ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Запѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться;

Она завистлива была:
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, Квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.—
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего.» —
«Ну, какъ теперь?» — «Все тожъ.» Пыхтѣла,
Да пыхтѣла,
И копчила моя завѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда живетъ хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Прошиву дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый к большой,
Часа не тратя, собрались,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли шумъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А кумъ что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу Курица кричитъ.
«Вѣдь, говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.» —
«Мнѣ что до этого за дѣло,»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вонъ ваши сестры, какъ хотятъ:
А вѣдь Воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;

А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, Хохлаточка! счастливый путь!»
Ворона подлет[illegible] осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій спалъ
гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ
и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ
несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься:
Попался, какъ Ворона въ супъ.

VII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть намъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло прямо взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался.
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ
съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть: да, да, увѣренъ въ этомъ.
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отыщу секретъ и Ларчикъ вамъ открою:
Въ Механикѣ и я чего нибудь да стою.»

Вотъ за Ларецъ принялся онъ;
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ:
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ умахъ лишь только отдается:
Не шутъ онъ, не такъ, не тамъ! Механикъ
пуще рвется.

Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался.
А Ларчикъ просто открывался.

VIII.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѐйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Упыли звѣри.
Въ адъ распахнулись настежъ двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.
Неумолимая, какъ сѣно коситъ ихъ.
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ лиса, постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ помнѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье!

Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ
нихъ души;
Сбро[illegible] и въ тишинѣ, Царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и [illegible] души.
«О, други!» началъ Левъ: «по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ Исторіи примѣры?
И такъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякой вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, иль
невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ (за что?) совсѣмъ без-
винно
Диралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха?

А тотъ бы и въ чинахъ — да, жаль, карманы
пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
«Какіе проспаки!»
Гвердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ запѣи не у мѣста!
И не такихъ я женіховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ будто бъ я себя замужествомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не при-
спѣйно.»
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи повертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдётъ.
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлётъ.
Тутъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.

Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
И замужемъ давно, другую сговорили:
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости, какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нее собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужествомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,

За перваго, кто къ ней присватался, пошла!
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за колѣку.

XI.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слы-
шимъ.
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ, какъ въ баснях говорятъ.
Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью
напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ
Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечи-
стымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?

За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву.» —
«Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу.» —
«По этому я лгу?
Негодный, слыхана ль такая дерзость въ
свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ
лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ.» —
«Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,»
Ягненокъ говоритъ. — «Такъ это былъ твой
братъ.» —
«Нѣтъ братьевъ у меня.» — «Такъ это кумъ
иль сватъ,
И словомъ, кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите.
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за нихъ развѣдаюсь грѣхи.» —
«Ахъ! я чѣмъ виноватъ?» — «Молчи! усталъ
я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ
кушать.»
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

XII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда опять межевали.
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ Ословъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: «не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать, Музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.» —
«Смотрите же,» кричитъ одинъ: «не упывай!
Я запяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо,
И громче девяти сестёръ
Подымемъ музыку, и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку бранчива,

То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.»
Одобрили Ослы ослово
Красно - хитро - сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занёсъ,
Какъ будто пронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазаныхъ колёсъ.
Но чѣмъ окончилось разно - красно пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, певѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XIII.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся,
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!

Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спѣсь наказанъ Комаромъ.

Вотъ, что я слышалъ стороною:
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара; обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю горлань,
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.

Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ;
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва пустился,
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не спрусится:
Льву сѣлъ на самый лобъ, и Львину кровь сосетъ.
Левъ голову крушитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:

То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва
укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престранный поднялъ ревъ;
Скрежещетъ въ ярости зубами,
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется,
бѣжитъ:
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ, или пожаръ.
И кто жъ? Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.
Рвался, метался Левъ, и выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытивъ злость Комаръ; Льва жалуетъ
онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

XIV.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты.
За то, отъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ,
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И ѳиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ, о чудо, о позоръ!
Заговорилъ Оракулъ вздоръ:
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;
И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что̀ молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ нёмъ
Жрецы, вѣщать мірянамъ.
И такъ,

Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не пушалъ
врякъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ, правда ль, будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь?

XV.

РОЩА и ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонёкъ подъ Рощей шлялся,
Какъ видно, шутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу Огонь слабѣе становился;

Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть го-
рящъ,
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, Роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?» —
«За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,»
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— «Бездѣлица!» Огонь ей продолжаетъ:
«Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалишь себя хошь не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно снѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ:
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»

Вотъ дѣло слажено: ужъ въ Рощѣ Огонёкъ
Спановинился Огнемъ. Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вкругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нѣчему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

XVI.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ Царя онѣ просить.
Хотя слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно;
На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:

Далъ имъ Царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ
Царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ трепнулся на цар-
ство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ помстались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что Царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ,
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ
никто;
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не приглядѣлся свѣтъ;
То и онѣ, сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью
дерзнули:
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;

А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему
бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ Царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Не много погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Топтъ на него и вскочетъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ Царемъ
житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную
державу
Далъ подлиннаго Царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство
Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ иного права:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судъ его
Нынъ правыхъ никого.
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то
расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великій недочётъ.

Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье и спесь,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ Царя иного;
Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ, как мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа высунуть, ни квакнуть безопасно;
Что наконецъ ихъ Царь тощѣе имъ засухъ.
«Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ ль, безумныя!» вѣщалъ имъ съ неба гласъ:
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прожужжали?
Вамъ данъ былъ Царь; такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ; такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!»

XVII.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садишь сбирался деревцо.
«Ужъ пусть бы стропишься, да какъ садить
въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!»
Такъ, Старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ Юноши сосѣдихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный
дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Мафусаилъ?
Оставь, Старикашка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе расчёты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой;
А старику пора знакомиться съ могилой.» —
«Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю:

То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все къ своей лишь прибыли
трудится:
Сажая деревцо, и пѣмъ я веселюсь,
Что если онъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой пѣкогда сей тѣнью насладится,
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно ль и за то ручаться наперёдъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживётъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ! въ старости моей, прекраснѣйшихъ
дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что ваша и
ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ!»
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то
и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на кора-
бляхъ.
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,

За роскошь, пьгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А тренній въ жаркій день холодиаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залечили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Спарничекъ оплакалъ всѣхъ
прохъ.

XVIII.

ОРЕЛЪ и КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью Царь пернатыхъ птицъ ле-
талъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится.
Спустившись, наконецъ, изъ облачныхъ вы-
шинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ не завидной;
Но у Царей свои причуды есть:
Быть можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать
честь,

Ни не было вблизи, ему по чину сѣсть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль; но только что Орелъ
Не много посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая наседка,
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
«За что Орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка, сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать Орловъ знатнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ:
Да ты же видѣла сейчасъ,
Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры.»
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
— «Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже Куръ спускаться;
Но Курамъ никогда до облакъ не подняться!»

Когда таланты судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;

Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XIX.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть спать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута ширанитъ съ двухъ сторонъ:
А легче пѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Боярынь, барынь, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его пропули,
Но въ гору по песку едва-едва шатнули.
Случись тутъ Мухѣ быть. Какъ горю не помочь?

Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ толпится у коренной,
То лобъ укусить пристяжной;
То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится;
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ снуетъ межъ людей;
Ну, словно откупщикъ на ярманкѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто,
Никакъ помочь не хочетъ.
Гуторя слуги вздоръ, плетутся въ слѣдъ
шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаются тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку
нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искать
на ужинъ:
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, по-
немногу,
Встащились на ровную дорогу.
«Ну,» Муха говоритъ: «теперя, слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ
путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:

Меня насилу крылья носятъ! »

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые везде хотятъ себя прилесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не
просятъ!

XX.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.

Кто Обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ клубомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,

И шепчутъ всѣ другъ другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувырнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы;
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ...« Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
«Что жъ,» говорятъ онѣ: «и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться и завиваться;
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,

И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.

Онъ — чтобъ на ушекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXI.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустынножику тому

Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И, точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нѣчего: снимаетъ шляпу,
И мишому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Попомъ дружатся,
Попомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться. —
Однажды вздумалось друзьямъ,

Въ день жаркій, побродивъ по рощамъ, по лугамъ,
И по долам, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ Медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, устал,
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ пушный, Мишка другу:
«Прилягъ-ко, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь удосугу.»
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы стрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчи жъ, ужъ я тебя, вострухуу!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ:

Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежашь надолго тамъ остался.

XXII.

СТРЕКОЗА и МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Померзѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ
Какъ подъ каждымъ
Былъ готовъ и

«Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!» —
«Кумушка! мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей Муравей.
— «До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ, что голову вскружило.» —
«А, такъ ты...» — «Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.» —
«Ты все пѣла? Это дѣло:
Такъ поди же, попляши!»

Квартетъ
Приказница Мартышка
Осилъ, козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть
Квартетъ

Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужекъ, подъ липки,
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Спой, братцы, спой!» кричитъ маршынка:
«погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, мишенька, садись противъ
альта,
Я прямо сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Кварштетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ,»
Кричитъ оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все Кварштетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ
рѣшить сомнѣнье:
«Пожалуй,» говорятъ: «возьми на часъ тер-
пѣнье,

Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?» —
«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

БАСНИ.

I.

ЧИЖЪ и ЕЖЪ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не зачто; такъ какъ-то пѣлось.
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. «Ты что жъ,»
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
«Пріялъ, не поешь?» —

«За тѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ,»
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.
Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра пѣлъ.»

II.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣщъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,
И что наловятся, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала,
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, недурная!

Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: «Мы, братцы, вчетверомъ.»
И начетверо онъ оленя раздираетъ.
«Теперь, давай дѣлить! Смотрите же, друзья!
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чтъ изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.»

III.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.

Страхъ обнялъ жителей Нептуновой сто-
лицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ Океанъ и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самый тороватой
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
«Вонъ закипитъ, вонъ тотчасъ загорится!»
Ни тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть? и не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ всвояси упылила;
Надѣлала Синица славы,
А моря не зажгла.

Примолвишь къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что, дѣломъ не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

IV.

ОСЕЛЪ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ,
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и Оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умыслу ль, или, имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо. время
Тучегонитель оплошалъ:
А вылился Оселъ почти какъ бѣлка малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спѣси никому Оселъ не уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться:
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Приталъ къ Юпитеру Оселъ спѣсивый мой,
И росту сталъ просить большаго.
«Помилуй!» говоритъ: «какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ, съ великаго и до меньшаго,
Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ;
За что жъ къ Осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ Ослахъ никто ни слова?

А если бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спѣси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.»
Что день, то снова
Оселъ мой то жъ Зевесу пѣлъ,
И до того ему онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія Ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ Оселъ скотиной превеликой;
А сверхъ того ему такой далъ голосъ дикой,
Что мой ушастый Геркулесъ
Пораспугалъ - было весь лѣсъ.
«Что то за звѣрь, какого роду?
Чай, онъ зубастъ? Роговъ, чай, нѣтъ числа?»
Ну, только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто Оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужъ возятъ воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша:
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

V.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ.
Но просвѣщеніемъ зовёмъ
Мы часто роскоши прельщенье
И, даже, нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ спасешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ, вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ, съ шуткой пополамъ,
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ—простакъ, какихъ вездѣ не мало —
Нашелъ Червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однако жъ пятаковъ пригоршни три
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
«Постой же!» думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кое-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ.»
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ шочитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ, Червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю Червонецъ потерялъ.

VI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за мыслію знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шумя, несутся въ поле.
Зачинщики, изъ удалыхъ головъ,
Чтобы подлечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безволковъ;
Что боги или спятъ, или правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что впрочемъ съ ближнихъ горъ каменьями не трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ,
И замешать Олимпъ стрѣлами.
Смутился дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,

Чтобы бѣду онъ отвратилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ ихъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бушующихъ, нехудо
Явить хоть небольшое чудо:
Или пошлетъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хоть каменьмъ ударитъ въ нихъ дождёмъ.
«Пождёмъ,»
Юпитеръ рекъ: «а если не смирятся,
И въ буйствѣ прекоснятъ, безсмертныхъ не боясь, —
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся.»
Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тьма камней, шуча спрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ;
Но съ тысячью смертей, и злыхъ и невзбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились главы.

*

Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства шолки смѣлы,
Чѣмъ пропитъ Божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ спрѣлы!

VII.

МАРТЫШКА и ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
— Лишь стёкшиъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ носу ихъ приткнетъ, то ихъ на хвостъ нацѣпитъ;
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ:
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу, пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ враковъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ.»
Мартышка шутъ, съ досады и съ печали,
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то ль такъ бываетъ у людей:

Какъ ни полезна вещь; цѣны не зная ей,
Невѣжа про нее свой шолкъ все къ худу
клонитъ;
А ежели невѣжа познающій,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

VIII.

ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился опъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до Царя о томъ донесся слухъ
(А Царь былъ строгъ, и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ Многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать,
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покусишься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье:
А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повѣшу шутъ же всѣхъ судей вокругъ стола.
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.

Судьи толкуютъ трое сутки,
Какую бъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что все они людей отъ зла не отучаютъ.
Однако жъ наконецъ ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ съ общаго сужденья
Приговорили: жечь отдать ему всѣхъ трёхъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что Царь велитъ повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ Трескенецъ удавился, —
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры, на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

IX.

ЛЕВЪ и БАРСЪ.

Когда-то, вспаршу,
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вершины.

Судиться по правамъ — не тотъ у нихъ
быть правъ;
Да сильные жъ въ правахъ бываютъ часто
слѣпы.
У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣетъ, тотъ и правъ.
Однако наконецъ не вѣчно жъ драться —
И когти притупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобраться;
Намѣрились дѣла военны прекратить,
Окончить всѣ раздоры,
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заклю-
чить
До первой ссоры.
«Назначимъ же скорѣй
Мы опять себя секретарей,»
Льву предлагаетъ Барсъ: «и какъ ихъ умъ
разсудитъ,
Пусть такъ и будетъ.
Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота:
Звѣрокъ хотъ не казистъ, да совѣстью въ
немъ чиста;
А ты осла назначь: онъ знатнаго же чина,
И, къ слову молвить здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина!
Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ
твой весь

Его конница врядъ ли стоитъ?
Положимся жъ на тотъ,
На чёмъ
Съ моимъ конникомъ онъ устроитъ.»
И Левъ мысль Барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не осла, лисицу нарядилъ
Онъ опъ себя для этого разбору,
Примолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ)
«Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.»

X.

ВЕЛЬМОЖА и ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ Мудрецомъ
О томъ, о сёмъ,
«Скажи мнѣ,» говоритъ: «ты свѣтъ довольно знаешь,
И будто въ книгѣ, ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ это, что̀ мы ни начнемъ,

Суды ли, общества ль учены заведемъ;
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся?
Ужли опять ихъ совсѣмъ лекарства нѣтъ?»—
«Не думаю,» сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:
«И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами.» —
«Какъ?» — «Такъ же: я вотъ свой построилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись.»

XI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣл общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Напорговали денегъ гору,
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ, —
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.

«Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте!
А счеты послѣ мы сведёмъ!» —
«Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,»
Шумитъ другой:
«Я съ мѣста не сойду долой.» —
«Мнѣ двѣ не додано, а вотъ шутъ счеты ясны,»
Еще одинъ кричитъ. — «Нѣтъ, нѣтъ мы не согласны:
Да какъ, за что, и почему?»
Забывши что пожаръ въ дому,
Проказники шумѣли до того,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ:
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры запѣваетъ
О выгодѣ своей.

XII.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа,
грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись,
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днёмъ,
Такъ разсуждать они пустилися вдвоёмъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.
«Что можетъ,» говоритъ Полканъ: «пріятнѣй
быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Ни спить безъ друга и ни съѣсть,
Стоять горой за дружно шерсть,
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,

И въ дружномъ счастьѣ все свое блаженство
спавшій!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло.»—
«А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ,
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Признаюсь же, право, стыдно:
Песъ дружествна слыветъ примѣромъ съ
давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ
людей,
Почти совсѣмъ не видно.» —
«Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши
времена,»
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!» — «Вотъ
она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и при-
равняться:

«Орестъ мой! Мой Пилядъ! Прочь свары, зависть, злость!»
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ.
Насилу наконецъ ихъ розняли водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки;
Послушать, кажется, одна у нихъ душа:
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

XIII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ Бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!
Вотъ если бъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:

Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
А Бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та Бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всёмъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ,
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаритъ, то ей провѣтриться дастъ;
Но чѣмъ ту Бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ,
И съ Бочкой наконецъ онъ принужденъ разстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стòитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

XIV.

ПРОХОЖІЕ и СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ-было уже прохожій камень взялъ:
«И, полно, братецъ,» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.»
И подлинно: прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

XV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго шакъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ
на драку;
Псари кричатъ: «Ахъ-ти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня спала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня,» кричатъ: «огня!» пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ
задомъ.
Зубами щолкая и ощетинив шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ
съѣсть;
Но, видя то, что шутъ не передъ спадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ
шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не
ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ
стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я....» — «Послушай-ка, сосѣдъ,»
Тутъ ловчій перервалъ въ ошибкѣ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ Волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»
И шутъ же выпустилъ на Волка гончихъ
стаю.

XVI.

Л Ж Е Ц Ъ.

Изъ дальнихъ странствій возвращясь,
Какой-то Дворянинъ (а можетъ быть, и Князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ бывлямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ,» говоритъ: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край:
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ намъ-то прямо рай!
И вспомнитъ, какъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не нада:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь Майскій день.

Никто тамъ ни садится, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ
и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ
гору.» —
«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого мы нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вотъ, видишь ли черезъ рѣку шатъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть
и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не
смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится, и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.» —
«А какова у васъ рѣка?» —
«Да не мелка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ
на свѣтѣ!
Хоть Римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору
въ томъ;
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ
о немъ?» —
«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ
домъ.» —
«Повѣрить трудно!
Однако жъ какъ ни чудно,
А все чудесъ и мостъ, по коимъ мы пойдёмъ,
Что онъ Лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два Журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.» —
«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть?» —
«Пусть такъ: но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ мостъ-отъ нашъ каковъ,

Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хотя Римскій твой и чуденъ огурецъ....»—
«Послушай-ка,» шутъ перервалъ мой
Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ итти, попщемъ
лучше броду.»

XVII.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у Ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:
«Рѣка несытая! что если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на днищѣ томъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, коихъ столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь
прорыла,

И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя сполъ воды,
Я, украшеньемъ сдавъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга;
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая пушемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.»
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;

И самый тотъ пастухъ, за косго рѣкѣ
Пенялъ недавно отъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много Ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды!

XVIII.

ЛИСИЦА и СУРОКЪ.

«Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?»
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
— «Охъ, мой голубчикъ, куманёкъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ куряшникѣ судьёй,
Упрашила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,

Ночей не досыпала:
И я къ за ито подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать
клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько.» —
«Нѣтъ, кумушка! а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.»

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой: —
А смотришь, помаленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ
сведешь,
Хоть по суду и не докажешь:
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь:
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

XIX.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили —
И дѣлянъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
«Ба, ты, косой!»
Кричатъ ему: «пожаловалъ опколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.» —
«Вотъ, братцы!» Заяцъ отвѣчалъ:
«Да изъ лѣсу-то кто жъ? все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка!»
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно;
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются:
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

XX.

ОРЕЛЪ и ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка;
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ;
Да кто же послѣ разберётъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты —
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?.

Безвѣстной умереть со всѣми наряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками;
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться;
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.»
Пчела отвѣтствуетъ: — «Тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.»

XXI.

ЩУКА и КОТЪ.

Бѣда, коль пироги пачнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняться ремесло,
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, сей рыбный столъ
наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»

Сталъ Щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамишься:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.» —
«И, полно, куманёкъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.» —
«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли;
Нашѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идётъ!
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замершво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно! это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

XXII.

ВОЛКЪ и КУКУШКА.

«Прощай, сосѣдка!» Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
«Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у всѣхъ и люди и собаки:
Одинъ другаго злѣй; и хошь ты Ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.» —
«А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?» —
«О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ что̀ война;
Какъ агнцы, кроткіе человѣки,
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена:
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ;

И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ:
Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ:
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой
днемъ,
И не засни спокойно на ночлегъ.» —
«Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!»
Кукушка говоритъ: »а свой ты правъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?»—
«Ужъ кинутъ, вздоръ какой!»—
«Такъ вспомни же меня, что бывъ тебѣ
безъ шубы.»

Чѣмъ правомъ кто дуренъ,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется;
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

XXIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То ради мы шому хотя молишься,
Кшо вздумаешъ за насъ вступишься;
Но шолько съ плечь бѣда долой,
То избавишелю опъ насъ же часшо худо:
Всѣ въ запуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-Крестьянинъ съ Бапракомъ
Шелъ, подъ вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнушь не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Крестьянина, ворочаешъ, ломаешъ.
И, гдѣ бъ его почашь, лишь мѣсто выбираешъ:
Конецъ приходишъ старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»

Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Башраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ нёмъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ, и замершво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ же Башрака ругаетъ.
Отъѣшалъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй,» говоришъ: «за что?» — «За что, болванъ!»
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

XXIV.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ Обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понёсъ

Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго копя за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, що-що диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ;
Вонъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо, криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять:
А шутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы шаскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-ткo насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, шелѣга раскатилась:
Коня толкаетъ въ задъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;

По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость
шу же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-сна покушай.» —
«Сосѣдушка, я сытъ по горло.» — «Нужды
нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» — —
«Я три тарелки съѣлъ.» — «И, полно, что
за счёты!

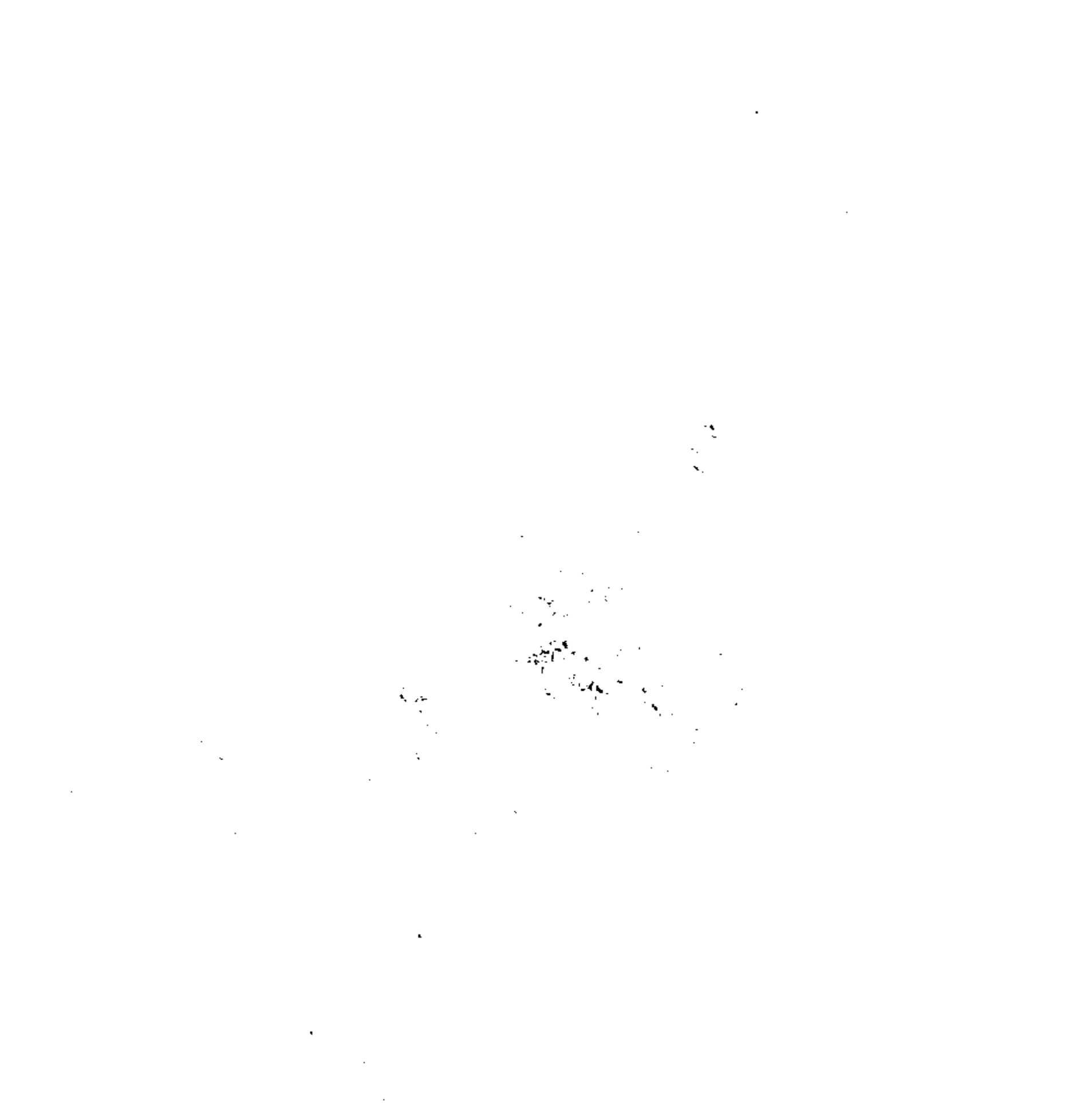
Лишь стало бы охопы, —
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто яшпаремъ подернулась она.
Попѣшь же, милепькій дружочикъ!
Вопъ лещикъ, пощроха, вопъ стерляди кусочикъ!
Еще хопь ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ емуни отдыха, ни сроку;
А съ Фокой ужъ давно катился градомъ попъ.
Однако жъ еще тарелку онъ берёпъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. — «Вопъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за що ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тупъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, по опъ бѣды шакой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ шой поры къ Демьяну ни ногой.

Писашель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:

Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой Ухи.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.



БАСНИ.

I.

ОТКУПЩИКЪ и САПОЖНИКЪ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякой день давалъ пиры, банкеты.
Сокровищъ у него ѝпъ смѣ̀пы.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край;
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьего ль боится онъ суда,
Иль, просто, трусишъ раззорищься:
Да только все ему некрѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда

Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ упрешней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ онъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти пѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
«Пріятель дорогой, здорово!» —
«Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.» —
«Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?»
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.)
— «Дѣлишки, баринъ? Да, не худо!» —
«Такъ онъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?» —
«На Бога грѣхъ роптать, и что жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:

А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй.» —
«И деньги есть?» — «Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ:
За то нѣтъ лишнихъ и запѣй.» —
«И такъ, мой другъ, ты быть богатѣй не желаешь?» —
«Я этого не говорю;
Хоть Бога и за то, что̀ есть, благодарю:
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.» —
«Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ:
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же: вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ;
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги.

И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пять сотъ рублевъ тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!» Сапожникъ мой,
Схвативъ мѣшокъ, скорѣй домой:
Не бѣгомъ, лѣшомъ
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же ночи въ подземелье
Зарылъ мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье.
Не только пѣсень нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!)
Все подозрительно, и все его тревожитъ!
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться
въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Откупщику,
И говоритъ: «Спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ, за пѣсни и за сонъ,
Не надобенъ ни милліонъ.»

II.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орёлъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А Воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Воронёнка,
Да только думаетъ онъ такъ: «Ужъ брашь,
шакъ брашь,
А то и когти что марашь;
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну, только ль въ стадѣ что ягняшы?
Вотъ, я какъ захочу,
Да налечу,
Такъ Царскій подлиню кусочикъ подхвачу!»
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жадными взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ
Барана, да какаго?
Прежирнаго, прематераго,

Который доброму бъ и волку былъ въ
подъемъ.
Изладясь, на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тогда-то онъ узналъ, что добычь не по немъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густый, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не выпереблъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ
въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинепько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окарнали,
И дѣтямъ отдали играть.

Нерѣдко у людей тожъ самое бываетъ,
Коль мелкой плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и тру-
довъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ, и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ
съ собой:
«Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ:
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денёкъ?»
Въ такомъ унынiи, на свой пѣняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть. Она у насъ не за горами
А за плечами:
Явилась вмигъ,

И говоритъ: — «Зачѣмъ ты звалъ меня,
Старикъ?»
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, опоропѣвъ:
— «Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.»

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить не тошно,
А умирать еще тошнѣй.

IV.

ПОДАГРА и ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ
родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ, и какъ, и почему;
Припомнъ же, кажется, ему,

Зажмурясь, въ баснях можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти — бремя,
Пока они не по мѣстамъ!);
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: «Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ?
Вонъ, видите ль вы пышные чертоги?
А тамъ вонъ хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.» —
«Мнѣ хижинъ ни за что не надо,»
Сказалъ Паукъ.—«А мнѣ не надобно палатъ,»
Подагра говоритъ: «пусть въ нихъ живетъ
мой братъ:
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ Докторá
Гонять изъ каждаго богатаго двора.»

Такъ смолвясь братъ съ сестрой, пошли,
явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шпофамъ пышнымъ, разцвѣчонымъ
И по карнизамъ золочонымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ бы вдоволь пахвалялъ;
Но къ разсвѣту едва съ работою убрался;
Пришелъ и щепкою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ; онъ къ печкѣ перебрался:
Отколѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой!
Но гдѣ основу ни напрядетъ,
Иль щепка, иль крыло вездѣ его достанетъ,
И всю работу изорветъ;
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньѣ; и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
«Чай, въ селахъ» говоритъ: «живетъ она
Царицей.»
Пришелъ — а бѣдная сестра́ у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,

Что чѣмъ Подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
«Нѣтъ, братецъ,» говоритъ она: «не жизнь
мнѣ въ полѣ!»
А братъ
Тому и радъ:
Онъ тушъ же съ ней удѣломъ обмѣняися;
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ
разобрался,
И, не боясь ни щепки, ни мешлы,
Запкалъ и пополокъ, и спѣны, и углы.
Подагра же, тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ Превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагръ рай; пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ
не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И оба дѣлаютъ умно.

V.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума - Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ Винограду кисти рдѣлись.
У кумушки на Виноградъ
Запрыгали глаза, и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ.
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Ошколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хотъ видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что жъ!
На взглядъ - то онъ хорошъ,
Да зеленъ; ягодки нѣтъ зрѣлой;
Тотчасъ оскомину набьешь.»

VI.

ОСЕЛЪ и СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимаю все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Запихли вѣтерки, замолкли пташекъ хоры,
И прилегли стада.
Чутъ-чутъ дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловья, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю
лбомъ,
«Изрядно,» говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ, — и полетѣлъ за тридевять
полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

VII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знаетъ и силенъ,
Да неуменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На Воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хошь, кажется, Слоновъ и умная порода,

Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило опъ овецъ прошеніе въ Приказъ:
«Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.» —
«О, плуты!» Слонъ кричитъ: «какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?»
А волки говорятъ: — «Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы;
Всего-то придетъ съ нихъ — съ сестры по шкурѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать.» —
«Ну, что-то жъ,» говоритъ имъ Слонъ:
«смотрите;
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ.»

VIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и пополокъ,
Покралъ безсовѣстно, что̀ могъ:
И что сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли,» говоритъ: «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякой съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.»

Сватъ Климычъ говоритъ: «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.» —
«Эхъ, братцы, это все не такъ,»
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далёка,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка ты впередъ щенка любаго
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ кормить.»
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ;
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямъ:
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

IX.

ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

Коль въ домѣ спашутъ воровать,
А пѣтъ приплки вору;
То берегись клепать,
И не наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

Купчина выстроилъ анбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары;
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина;
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),

Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.

Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ Купчина мой.
А Мыши лишь того и ждали и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ въ анбаръ,
И въ двѣ, иль три недѣли,
Поѣли весь товаръ.

X.

СЛОНЪ и МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на показъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него мешаться,
И лаять, и визжать, и рваться:

Ну, такъ и лѣзешь въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться,»
Ей Шафка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.» —
«Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

XI.

ВОЛКЪ и ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка Волкъ, начавъ помалу пріучать
Овчевскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прокрадяться;
А между тѣмъ велѣлъ прилѣжнѣй примѣчать,
Нельзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,

Хошь захвати грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать, иль пообѣдать?
Приходитъ ученикъ домой,
И говоритъ: «Пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стянуть лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть.» —
«Постой-ка,» Волкъ сказалъ: «сперва мнѣ вѣдать нада,
Каковъ пастухъ у стада?» —
«Хошь говорятъ, что онъ
Неплохъ, заботливъ и умёнъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны,
И плохи, кажется, и смирны.» —
«Меня такъ этотъ слухъ,»
Волкъ старый говоритъ: «не очень къ стаду манитъ:
Коль подлинно неплохъ пастухъ;
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ.
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду.

Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрныя мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.»

XII.

ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы,
ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ:

Хвалы примамчивы, какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То шакъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

XIII.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось Мышамъ себя прославить,
И, не смотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ клюшницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить

Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того Совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у Мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то: теперь мы спрашивать не будемъ;
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью, иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ Совѣтъ:
У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья;
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья:
Такихъ въ Совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И наконецъ въ мушномъ ларѣ
Открыто засѣданье.

Но лишь позаняли мѣста,
Анъ-глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую Мышь шолкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: «Какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостныхъ нашъ
не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ.»
А Мышь въ отвѣтъ: — «Молчи! все знаю
я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.»

XIV.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу
Въ углу
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ

Онъ на обширку ногъ не рѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набитъ:
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ
И бережетъ Мѣшокъ онъ шакъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ:
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласково заводитъ;
А ежели Мѣшокъ откроютъ:
То всякой на него умильно шакъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ:
То вѣрно ужъ его потреплетъ, или погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ шакой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И что не шакъ,

И шутъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несётъ,
Что уши вянутъ:
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что̀ ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ
съ умомъ?»
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы повыскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о нёмъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли:
Но сколько есть такихъ Мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали;
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты стали,
Съ которыми теперь и Графы и Князья,
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ?
Велико дѣло милліонъ!

Однако же, друзья, вы сполько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ пишкомъ?
Не дай Богъ, если раззоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ Мѣшкомъ.

XV.

КОТЪ и ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома спереча съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
«Ахъ, ты, обжора! Ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:

«Не спыдно ль спѣнъ шебѣ, не только что людей
(А Васька все шаки курченка убираешъ)?
«Какъ, бывъ честнымъ Конюмъ до эшихъ поръ,
Бывало, за примѣръ шебя смиренства кажушъ:
А шы... ахши какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажушъ:
Конъ-Васька плушъ, Конъ-Васька воръ!
И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускашь не надо и на дворъ,
Какъ волка жадпаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣспъ!
(А Васька слушаешъ, да ѣспъ).» —
Тупъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Конъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы Повару иному
Велѣлъ на спѣнкѣ зарубить,
Чтобъ шамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

XVI.

ОГОРОДНИКЪ и ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ шакъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ревнивый былъ рабопникъ,
И дюжъ и свѣжъ на взглядъ.
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсотни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великой краснобай, названный другъ природы,
Недоученый Философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды.
Однако жъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И тоже огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся шакъ сосѣду:
«Сосѣдъ, какъ хочешь ты пошѣй,
А я съ работою моей

Далеко отъ тебя уѣду;
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говоришь, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-какъ идетъ:
Какъ ты еще не раззорился?
Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?» —
«И нѣкогда,» сосѣда былъ отвѣтъ.
«Прилежность, навыкъ, руки:
Вотъ всѣ мои тутъ и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ.» —
«Невѣжа! возставать противъ наукъ ты смѣешь?» —
«Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ;
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ.
А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта бъ намъ дождаться.
Но, баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой что̀ посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ.» —
«Да, я не взрылъ, за недосугомъ;
Я все читалъ,
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой, иль плугомъ?

Но время еще не уйдетъ.» —
«Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ,»
Послѣдній отвѣчалъ, — и тутъ же съ нимъ
разспался,
Взялъ заступъ свой;
А Философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся;
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ,
Чтобъ на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новости онъ найдетъ,
И все изроетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вышелся конецъ?
У Огородника взошло все и поспѣло;
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло:
А Философъ
Безъ огурцовъ.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛИСИЦА.

«Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?»
Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ, вступѣясь
съ нею:
«Я, право, о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ;
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ и стыдно,
И что бранятъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ, иль обѣдъ
Въ куряникѣ оставить шкуры!
Ну, стоятъ ли того всѣ куры?» —
«Кому такая жизнь сносна?»
Лисица отвѣчаетъ:
«Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что, даже, часто мнѣ и пища невкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;

Припомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ,
Хотъ этотъ промыселъ мнѣ точно острый
ножъ?» —
«Ну что жъ?»
Крестьянинъ говоритъ: «коль вправду ты
не лжёшь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись куряшникъ мой отъ лисъ ты охра-
нять:
Кому, коль не Лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ ка-
таться.»
Торгъ слаженъ: и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ Лиса.
Пошло у мужика житье Лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего Лисѣ довольно:
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй;
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденый кусокъ пріѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У кумачка всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ;
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ:
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

XVIII.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Льву, Кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ, не какъ у насъ; у насъ ребенокъ году,
Хотя бъ онъ Царскій былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ;
А годовалый Львенокъ
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году Левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ Царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.

Кого жъ бы попросишь, нанять, или заста-
вишь,
Царевича Царемъ навыучку поставишь?
Отдашь его лисѣ: лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:
Такъ это, думалъ Царь, не Царская наука.
Отдашь кроту: о немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ лю-
бишъ,
Безъ оглядки шага не ступишъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чистишъ, самъ и лущишъ;
И словомъ, слава шла,
Что кротъ великій звѣрь на малыя дѣла:
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза кротовы зорки,
Да вдаль не видятъ ничего;
Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли барса? Барсъ отважень и силёнъ;
А сверхъ того великій шалишкъ онъ;
Да барсъ политики не знаетъ:
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе жъ царствовать уроки онъ подастъ?
Царь долженъ быть судья, министръ и
воинъ;
А барсъ лишь рѣзаться горазъ;

Такъ и дѣтей учить онъ Царскихъ недостоинъ.
Короче: звѣри всѣ, и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтёнъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все еще казался не умёнъ,
И не учёнъ.
По счастью, или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про Царево горе,
Такой же Царь, пернатыхъ Царь, орелъ,
Который велъ
Со Львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ Львенка воспитать.
У Льва какъ гору съ плечь свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было,
Царевичу Царя въ учители сыскать?
Вотъ Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни спросятъ,
О Львенкѣ оно всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И наконецъ приходитъ срочный годъ;
Царъ-Левъ за сыномъ шлётъ.

Явился сынъ; шутъ Царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: «Любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже ляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь:
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ,
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?»—
«Папа,» отвѣтствовалъ сынокъ: «я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ орла до перепёлки,
Какой гдѣ птицы болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живётъ,
Какія яица несётъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки;
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ;
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когда жъ памѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды.»

Тутъ ахнулъ Царь и весь звѣриный свѣтъ,
Повѣсилъ головы Совѣтъ;
А Левъ - старикъ поздненько спохватился,
Что Львенокъ пустякамъ учился;
Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ.
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Тому, кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука для Царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XIX.

ЛИСТЫ и КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листки на деревѣ съ зефирами шептали;
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ, какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долинѣ всей?
Что намъ дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалитъ себя мы можемъ безъ грѣха!

Не мы ль отъ зноя паступха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясавь сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разлетаетесь съ нами.» —
«Примолвить можно бы спасибо тутъ и
намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— «Кто смѣетъ съ нами такъ сравняться
дерзновенно?
Кто вы такіе намъ?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— «Мы тѣ,»
Имъ снизу отвѣчали:
«Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы Корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ,
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если Корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.»

XX.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать,
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо чесалъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ Гусямъ, и людямъ досталося).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли;
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучь сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ шѣхъ Гусей,

Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.» —
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки. . .» — «Знаю
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» —
«Да наши предки Римъ спасли!» —
«Все такъ, да вы что̀ сдѣлали такое?» —
«Мы? ничего!» — «Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Басню эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ Гусей не раздразнить.

XXI.

СВИНЬ[illegible]

Свинья на барскій дворъ когда-то запесалась,
Вокругъ конюшенъ шамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыта накупалась:
И изъ гостей домой
Пришла Свинья свиньёй.
«Ну что жъ, Хавронья, шамъ ты видѣла такого?»
Свинью спросилъ паспухъ:
«Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ шакъ одно богатѣе другаго?».
Хавронья хрюкаетъ: — «Ну, право, порютъ вздоръ!
Я не примѣтила богатства никакаго;
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,

Я шамъ изрыла
Весь задній дворъ.»

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ я [redacted]ника Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

XXII.

ОРЕЛЪ и ПАУКЪ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ шамъ столѣшнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что отшоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А шамъ сердитое Каспійско море,

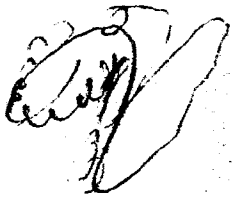
Какъ ворона крыло, чернѣлося вдали.
«Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты,
Орелъ къ Юпитеру взываетъ:
«И что смотрю отколь на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ.»
«Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу,»
Паукъ ему шутъ съ вѣшки отвѣчаетъ:
«Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?»
Орелъ глядитъ: и подлинно Паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И, кажется, Орлу зашкань онъ солнце хочетъ.
— «Ты какъ на этой высотѣ?»
Спросилъ Орелъ: «и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ:
А ты безъ крылъ и слабъ, неужли ты доползъ?» —
«Нѣтъ, я бъ на это не рѣшился.» —
«Да какъ же здѣсь ты очутился?» —
«Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ.»

Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
И такъ передо мной прошу не величаться;
И знай, что я»....Тутъ вихрь, отколѣ ни возьмись,
И сдунулъ [redacted]ка опять на самый низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этихъ нерѣдко Пауковъ
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,
Какъ будто бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хоть стóитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.



БАСНИ.

I.

[illegible] и [illegible].

Младая Лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ [illegible] священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ,
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
«О, безразсудная!» сказалъ: «къ кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты рода чаешь?
Быть можешь, нѣкогда (иль злости ихъ не
знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь.» —

«Быть можетъ,» Лань на это отвѣчала:
«Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы погубило,
Когда бъ не спала я питать.»

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

II.

[redacted]

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,

Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ,
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ себѣ не вилъ.
Но кстати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ Крота? А гдѣ же похвала,
Что у Орла.
Глаза такъ зорки?
И что за стать, Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря, —
И новоселье у Царя
Поспѣло скоро для Царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарей,
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.

Отъ горести не взвидя свѣта,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣта.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?» —
«Когда бы ты не презрѣлъ мною,»
Изъ норки Кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.»

III.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что̀ намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
За тѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припряпавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядишь, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!» —
«Неужли?» — «Право такъ.» — «Бѣдняжка куманёкъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вонъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.»
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова;
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

IV.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака,
Бумажный Змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ Мошылька:
«Повѣришь ли!» кричитъ: «чуть-чуть тебя
мнѣ видно,
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокой столь по-
летъ.» —
«Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь!
Хошь высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Опъ счастія весьма далёко;
А я, хошь правда невысоко,
За то лечу,
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другаго,
Пустаго,
Вѣкъ цѣлый не трещу.»

V.

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
«Голубчикъ!» Деревцо сказало молодое:
«Пожалуй, выруби вокругъ меня шы лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не видѣнъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простора нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной они сплесть изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него росли помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей страны,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина.»
Взялся крестьянинъ за топоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ.
Но торжество его недолго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,

И вѣпромъ наконецъ то Деревцо сломило.
«Безумное!» ему сказала шутя змѣя:
«Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало,—
Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли;
Тебя бы старыя деревья берегли.
А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло;
Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!»

VI.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА и РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ;
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ прое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ: судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

VII.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
Хошь нужды не было Собакѣ той ни въ чемъ:
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть!
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что̀ изъ мяснаго ни достанетъ,

Въ минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился,
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
«Послушай,» говоритъ: «хоть кажешься ты строгъ;
Но ты лишь красть Собаку пріучаешь,
За тѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь.
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней.»
Едва лишь на себѣ Собака испытала
Совѣтъ разумный сей, —
Шалить Собака перестала.

VIII.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ купилъ огромный домъ;
Домъ, правда, дѣдовской, но строенный на славу:
И прочность и уютъ, все было въ домѣ томъ,

И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по праву,
Да только по бѣды,
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
«Ну что жъ,» онъ думаетъ: «въ своемъ добрѣ я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевесть
(Какъ видно, молодецъ Механикой былъ страстенъ!)
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье;
А тамъ уже, взладя на катках,
Я воротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ нёмъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На новосельѣ я поѣду какъ въ каретѣ.»
Плѣнился глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ Механикъ мой.
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берёгъ;
Однако жъ дома онъ перетащить не могъ,

И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опасиѣй и глупѣй!

IX.

ПРУДЪ и РѢКА.

«Что̀ это,» говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:
«Какъ на тебя ни взглянешь,
А во̀ды все твои текутъ!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки,
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски:
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!

Конечно, я не знатенъ,
По карпiй не шлюсь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой нибудь гу-
слистъ:
Да это, право, все пустое!
За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ негѣ и въ покоѣ;
Не только, что судовъ,
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего спрашиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чтнь зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что̀ беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не двигаясь, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ.» —
«А философствуя, ты помнишь ли законъ,»
Рѣка на это отвѣчаетъ:
«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ со-
храняетъ?
И если спала я великою Рѣкой,
Такъ это отъ того, что, кинувши покой
Послѣдую сему уставу.
За то по всякой годъ

Обилiемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ
славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь.»
Слова ея сбылись: она течетъ попынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И наконецъ совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованiе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякой день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

X.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ Кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу при-
нялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —

И локти заплатилъ. Кафтанъ опять го-
повъ;
Лишь на четвертъ голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.»
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ Кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ Кафтанѣ щеголяютъ.

XI.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярманкѣ подойникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путёмъ,
Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужичка какъ липку ободралъ.
«Помилуй,» всплачется Крестьянинъ: «я пропалъ;
Меня совсѣмъ ты доканалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался;
Насилу этого дождался дня!» —
«Добро, не плачься на меня,»
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
«И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ.»

XII.

Ц В Ѣ Т Ы.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ
стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спѣсиво,
И выставляли всѣмъ красу свою надиво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ про-
сятъ:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
«Юпитеръ!» молятся: «шы дождикъ пре-
крати;
Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже!
Смотри, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи.»
Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,

Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся какъ будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ,
И спали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Лишились всей красы, и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

Таланты истинны за критику не зляться;
Ихъ повредить она не можетъ красоты:
Одни поддѣльные Цвѣты
Дождя боятся.

XIII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»—
«Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья.
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья,

Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа шароватa!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не
видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, паракашки!
Одинѣ какъ изумрудъ, другіе какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!» —
«А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣ-
тилъ.» —
«Да развѣ тамъ онъ?» — «Тамъ.» — «Ну,
братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.»

XIV.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни завѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей:
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется,
скаровку.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на Общій Сходъ,
И распросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На Сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На Сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были? —
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли:
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

XV.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла проситься
въ домъ,
Не попустому, жить безъ дѣла,
Нѣтъ, няньчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще нажитой трудомъ!
«Я знаю,» говоритъ она: «худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про Змѣй,
Что всѣ онѣ презлаго нраву;
Изъ древности класитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть: но я не такова.
Я сроду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;

И словомъ: я добрѣй
Всѣхъ Змѣй.
Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣ-
тей!» —
«Коль это» говоритъ Крестьянинъ: «и не-
ложно;
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю Змѣёй
Одной
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая Змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.»

Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь
мечу я? ....

XVI.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго шаланпъ есть свой:
Но часто, на успѣхъ прельщался чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный
былъ конецъ.

Какой-то смолоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякой Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья, —
А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью, —
И думаетъ: «Постойте же, друзья,

Спою не хуже я
И соловьиным ладомъ.»
И подлинно запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не пущемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ пташекъ своимъ пѣньёмъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьёмъ.

XVII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Что Волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.

Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками спалъ Волкъ его маня,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью большею
Кость вытащилъ, и спалъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:
«Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты, долгій-носъ.
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унёсъ!
Поди, жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ, ты, мнѣ не попадайся!»

XVIII.

ПОЖАРЪ и АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры спавъ Пожаромъ,
Огонь, въ стремленьѣ яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ,
Потерянный Алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валялся по дорогѣ.
«Какъ ты, со всей своей игрой,»
Сказалъ Огонь: «ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьѣ,
Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучь иль мой, иль солнечный сіяетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадетъ:
Бездѣлка, ленты лоскутокъ.

Какъ часто блескъ твой затемняетъ,
Вокругъ тебя одинъ, обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затмишь мое сіянье,
Когда я, въ ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю, —
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ.» —
«Хотя противъ твоего мой блескъ и бѣденъ,»
Алмазъ отвѣтствуетъ: «но я безвреденъ:
Не укоритъ меня никто ни чьей бѣдой,
И лучь досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь.
За то, всей силой съединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ;
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу.»
Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался:

Алмазъ же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой спалъ Царскому вѣнцу.

XIX.

КРЕСТЬЯНЕ и РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ раззоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что̀ на нихъ донесть!
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Рѣка течетъ такъ смирно, хошь и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ вѣрно ихъ она уймётъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.

Но что жъ? Какъ подходить къ Рѣкѣ по-
ближе стали,
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы намъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.»

XX.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье
злое!
Но нѣтъ; — за ней должны еще погибнуть
трое:

Опъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиро-
тилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ
силъ,
Малюшки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно
мать.
«Какъ можно не страдать,
Малюшокъ этихъ видя,
И сердце чье объ нихъ не заболитъ! »
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ пропивъ гнѣзда сиротокъ сидя:
«Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку
прикиньте:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что̀ дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ ли-
няешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку имъ устл-
ать:
Вѣдь попусту жъ его ты расперяешь.
Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,

Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли;
Промыслишь кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла;
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берёгъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ,
Полакомишь безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милый соловей, —
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ, —
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенькой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голода сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ нанизъ.
Что жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ: не распложая слова,
Въ молчаньи творитъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ:
Тотъ часто только добръ на счетъ другова,
За тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакова.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ, —
Сродни моей Лисѣ.

XXI.

ВОДОЛАЗЫ.

Какой-то древній Царь впалъ въ справное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ Наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ Ученье?
И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?

Но такъ какъ этотъ Царь, свой украшая
трон,
Душею всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти, иль по пристрастью:
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякой бы, хотя слогомъ некудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ да, иль нѣтъ,
То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или по прежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однако жъ, какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской;
Всякъ только дѣло запемнялъ,
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царской.
Кто говорилъ, что неученья тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,

Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ Наукъ лишь только хуже стали;
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ,
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ,
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы;
А о Наукахъ споръ остался нерѣшёнъ.
Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ отвсюду отъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о Наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.
Но способъ былъ и этотъ худъ,
За тѣмъ, что Царь имъ далъ большое содержанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И если бы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но такъ какъ Царь казною не шутилъ;

То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.
Межъ тѣмъ часъ отъ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле,
И видитъ предъ собой
Пустынника, съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе ль полезны, или вредны?
«Царь!» старецъ отвѣчалъ: «позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что̀ размышленья мнѣ внушили многолѣтны.»
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
«На берегу близъ моря

Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей.
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И, ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей,
Не рыбой — жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однако жъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;
Онъ, даже, не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной:
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя,
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,

Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну:
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
— Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ!
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы сыскать лишь достать
И взять. —
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И, выбравъ, гдѣ была черезъ глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не достигши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею. —
О, Царь! примолвилъ тутъ мудрецъ:
«Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину

И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ
съ собою.»

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

БАСНИ.

1.

ЧИЖЪ и ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался,
«Не стыдно ль,» говоритъ: «средь бѣлаго дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло.»
Ахъ, смотришь, тутъ же самъ запутался
въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

II.

ХМѢЛЬ.

Хмѣль выбѣжалъ на огородѣ,
И вкругъ сухой тычинки вившся спалъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
«Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
«Ну, какъ его сравнишь съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною,
Хошь листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?»
Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ,
Посмотришь, около него мой Хмѣль ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

Такіе жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И, какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись.
А только въ случай попадись, —
Онъ первый явится въ передней.

III.

МЫШЬ и КРЫСА.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву,»
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
«Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву!
Вотъ отдохнутъ и намъ пора настала.» —
«Не радуйся, мой свѣтъ!»
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ:
«И не надѣйся попустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То вѣрно льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.»

Я столько разъ видалъ, примѣтьте это сами:

Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

IV.

ГОСПОЖА и ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часть
Была съ утра И до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи.
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Бышь можетъ, иногда бъ старуха опоздала,

XXII.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто, что̀ нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ томъ на другаго,
И какъ нерѣдко говоримъ:
«Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!»
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ.

Въ Восточной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ совсѣмъ живьёмъ
(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своёмъ
Одинъ былъ правила такаго,
Другія же всѣ житія святаго;
И что̀ всего ему тошнѣй,

Начальникъ ихъ былъ права прекрутаю,
Такъ преступишь никакъ устава ты не
смѣй;
Однако жъ мой Брамишъ не унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смекаетъ,
Не льзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ;
Досталъ яйцо, полуночи дождался,
И свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой, и мысленно глотаетъ,
А про начальника, смѣялся, разсуждаетъ:
«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ - такъ я всласть.»
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамишу въ келью надзиратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣша пребустъ онъ грозно.
Улика на лицо, и запираться поздно!
«Прости, отецъ святой!
Прости мое ты прегрѣшенье!»
Такъ взмолился Брамишъ сквозь слезъ:
«И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;
Ахъ, наустилъ меня прокляпый бѣсъ!»
А тутъ бѣсенокъ изъ - за печки,

— «Не стыдно ли,» кричишь: «всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ.»

XXIII.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризны мы Фортунѣ щедроваты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
Слѣпое счастіе, шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ, гоститъ и у Царей;
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погоститъ когда нибудь при-
станетъ:
Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ.
Когда жъ ты не умѣлъ при счастьѣ пожи-
виться,

То не Фортунѣ ты, себѣ за то пеняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

Домишка старинькой край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что̀ изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха;
Вездѣ потеря, иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вошъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела.
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостивъ у нихъ все лѣто.
Все лѣто! шутка ль это?
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой стопой.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой;
А тутъ, что̀ ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что̀ есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою

Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею голово'
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на
клонъ.
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ
Посмотришь, у него деревня, домъ и
Теперь вы спросите: что жъ третій
лучилъ.
Вѣдь, вѣрно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ томъ
гораздъ;
А тутъ труды его невинъ;
Какъ ни взмахнетъ рукой, благодаря Фор-
тунѣ,
Ни разу промаха не дастъ,
Вошъ гостья между тѣмъ у братьевъ на-
гостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ
богатъ,
Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій
братъ

Клянешь судьбу, что онъ Фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.
Читатель, будь ты самъ судьёю,
Кто жъ въ этомъ виноватъ?

Дом
Три

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

БАСНИ.

I.

КУКУШКА и ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.
«Чтo, Кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала:
«Или о томъ, что миновала
У насъ весна,
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?» —
«Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать?»
Кукушка говоритъ: «будь ты сама судьёю:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И наконецъ я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы?
И не завидно ли, когда я погляжу,

Какъ увиваются вкругъ мамери утяпы,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву
цыплятъ:
А я, какъ сирота, однимъ одна сижу,
И, что̀ есть дѣтская привѣтливость, не
знаю. » —
«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы не любовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ.
Скажи жъ — такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ.
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала да летала. » —
« Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней,
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала. » —
«Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей? »
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и мамери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И не любовь всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,

И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виновашы сами,
Что въ старости опъ нихъ ушѣхи мало вамъ?

II.

СКУПОЙ и КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хотъ есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;
Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про Скупаго.
Былъ человѣкъ, который никакаго
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)
Которая яица несла,
Но не простыя,
А золотыя.

Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
И такъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

III.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вошъ первая - себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ:
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страха жмется,

Ее заслышавши издалека.
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку.
Кто дѣломъ истинно, тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

IV.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Сколь славный мужествомъ и силою чудесной,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути, остановившись, будто ёжъ
Лежитъ, чуть видное, не знаетъ, что такое?

Онъ раздавишь его хошѣлъ пятой. И что жъ?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣва вспыхнувъ, тушь Алкидъ
Тяжелой палицей своей его разишь.
Глядишь,
Оно спрашнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и ростетъ,
Застановляетъ солнца свѣтъ,
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.
Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
«Оставь напрасный трудъ, мой братъ!» она сказала:
«Чудовищу сему названіе Раздоръ.
Не пропуто — его едва примѣтишь взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться,
Оно отъ браней лишь тучнѣе становится,
И возрастаетъ выше горъ.»

V.

АПЕЛЛЕСЪ и ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезмѣру заражент,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалишься,
Чего бы долженъ онъ стыдишься.

Съ Оленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ
Зоветъ къ себѣ Оленка въ гости;
Въ Оленкѣ заиграли кости.
Оленокъ хвастовствомъ весь душишъ лѣсъ,
И говоришъ звѣрямъ: «Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ;
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.
— «Ньшъ,» Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ:
«Намѣряся писать Мидасовъ судъ,

Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но этакихъ, какими ты богатъ,
Ни только у ослятъ,
Ни даже уОсловъ мнѣ видѣть не случалось.»

VI.

ВОДОПАДЪ и РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменіемъ сказалъ,
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лечебною своей):
«Не страшно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?» — «Лечишься,»
Смиренно прожурчалъ Ручей.

VII.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю!
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
И такъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя пеняй, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму,
И друга вѣрнаго по праву и обычью,
Гектора, въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хотя былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
«Вонъ вдоръ!» онъ говоритъ: «дорога мнѣ знакома:
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь,
До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядишь еще успѣю я сто разъ.»
Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила

(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ ушки цѣлымъ стадомъ;
И нашему бъ тогда Стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить,
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только ушки
На эти чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ;
Онъ вскричали, встрепенулись,
Взвились, и за лѣса веревкой потянулись,
А намъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу Стрѣлокъ потомъ шаскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
И такъ охотникъ мой,
Измокши весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А все-таки пенялъ не на себя, на счастье.

VIII.

ПЛОВЕЦЪ и МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился;
Потомъ, проснувшися, онъ Море клясть пустился.
«Ты,» говоритъ: «всему виной!
Своей лукавой тишиной
Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь,
И, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь.»
Тутъ Море, на себя взявъ Амфитриды видъ,
Пловцу, явяся, говоритъ:
— «На что винишь меня напрасно?
Плывешь по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно.
Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины;
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли;

Я неподвижнѣе тогда земли.»

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру не возможно.

IX.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Къ Крестьянину вползла Змѣя,
И говоритъ: «Сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила.»
Однако къ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: — «Хотя ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все тоже.»
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣришься въ себѣ ты дашь причину;

Какъ хочешь, такъ мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасёшь,
И что съ Змѣей, съ тобой случиться мо-
жетъ тожъ.

X.

ЛЕВЪ и ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ роду Льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась
чуть жива.
Вошъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ по-
налася;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

Инаго также мы боимся,
Поколь къ чему не приглядимся.

XI.

МУРАВЕЙ.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрной)
Могъ поднимать больших ячменныхъ два
зерна;
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о
немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ Муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,

Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣсиво вползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей то, взявъ листокъ, пошя-
нешъ,
То припадешъ онъ, то привстанешъ:
Никто не видитъ Муравья.
Устамши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣ-
чаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ:
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ.»
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной,

Заштѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

XII.

ОВЦЫ и СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у Овецъ,
Чтобъ волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число Собакъ умножить.
Что жъ? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что Овцы отъ волковъ, по правдѣ, уцѣлѣли,
Но и Собакамъ надо жъ ѣсть;
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А тамъ по жеребью съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталося всего Овецъ пять-шесть,
И тѣхъ Собаки съѣли.

XIII.

ГРЕБЕНЬ.

Дитятки маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешёкъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые,
И мягкіе, какъ тонкій лёнъ,
Любуясь, Гребешкомъ расчесываетъ онъ.
И что за Гребешекъ? Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однако же, что Гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокотилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
«Гдѣ Гребень мой?»
И Гребень отыскался,

Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой Гребешишка!»
Кричитъ мальчишка.
А Гребень говоритъ: — «Мой другъ, все тотъ же я;
Да голова всклокочена твоя.»
Однако жъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ Гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся Наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ.
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста;
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ и принимаютъ:
Но только сталъ кривить душей;
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ сключетъ.

XIV.

ОСЕЛЪ и МУЖИКЪ.

Мужикъ на лѣто въ огородъ
Нанявъ Осла, приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять, пахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ;
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ
поштучку;
Но Мужику барышь былъ съ огорода плохъ.
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперёгъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и припоптамъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ вымѣстилъ дубиной.
«И пишпо!» всѣ кричатъ: «скотинѣ подѣломъ!
Съ его ль умомъ
За это дѣло браться?»

А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за Осла
вступаться;
Онъ точно виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и
расчётъ):
Но, кажется, неправъ и тотъ,
Кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

XV.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шути, какъ хочешь,
смѣло;
Но смерть вблизи совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины, и ружья, и собаки:
Такъ драка не по нёмъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ,
И говоритъ ловцу: «Мой другъ, какой виною

Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на Медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мерзваго я тронулъ человѣка.» —
«То правда,» отвѣчалъ на то ловецъ ему:
«Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
За то, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ онъ тебя не вырывался цѣлъ:
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ.»

XVI.

КОЛОСЪ.

На нивѣ, зыблемой погодой, Колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ пѣгѣ и въ добрѣ излелѣянный цвѣшокъ
Межъ тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ,

И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
«За что вы, люди, такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшитъ вкусъ, иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ;
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы?
Не главный ли доходъ твой съ тивы;
А, посмотри, въ какой небрежности она!
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ спекломъ когда насъ отъ ненастья?
Велѣлъ ли насъ полоть, иль согрѣвать,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ, мы совсѣмъ росли оставлены на счастье.
Тогда, какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сыпъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы: закинуты здѣсь въ полѣ,
За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что если бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ насъ самъ-сотъ,

И съ хлѣбомъ каравашъ отправилъ бы въ
столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире намъ те-
плицу.» —
«Мой другъ,» хозяинъ отвѣчалъ:
«Я вижу, шы моихъ трудовъ не примѣчалъ.
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когда бъ шы зналъ, какой мнѣ стоило ра-
боты
Расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ:
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя жъ и вѣтра шы проси себѣ у неба;
А если бъ умный твой исполнилъ я совѣшъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ, и былъ бы я
безъ хлѣба.»

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ, иль гражданинъ,
Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходятъ иногда въ роптанье.
Имъ можно тожъ почти сказать и въ оправ-
данье.

XVII.

МАЛЬЧИКЪ и ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе
сыскать!
У самыхъ пѣхъ всегда въ глазахъ предатель
низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ
ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель бли-
зокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ весни себя шамъ честно,
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И пѣ, которые ужъ стануть увядать.
Крестьянинъ судитъ: «какъ приставница не
дать?
Ужли онъ Червяка въ саду мнѣ будетъ пѣ-
сню?
Пускай его-себѣ живетъ.

Пришомъ же важнаго убышка быть не можешъ,
Коль онъ листочка два-три сложешъ.»
Позволилъ: и Червякъ на дерево ползёшъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живешъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ шѣмъ ужъ золотишъ плоды лучистый Царь.
Вошъ въ самомъ шомъ саду, гдѣ шакже спѣшь все спало,
Наливное, сквозное какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно шѣмъ яблокомъ плѣнёнъ;
Изъ шысячи другихъ его замѣшилъ онъ:
Да доступъ къ яблоку мудрёнъ.
На яблоню Мальчишка лѣзть не смѣешъ,
Ее пряхнуть онъ силы не имѣешъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаешъ какъ.
Кто жъ въ кражѣ Мальчику помочь взялся?
Червякъ.
«Послушай,» говоришъ: «я знаю это шочно:
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ непрочно;
Однако жъ я берусь его достать,

Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый спанетъ вѣкъ глодать.»
Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;
Червякъ на яблоню, и работать пустился:
Онъ яблоко въ минуту подточилъ:
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его Мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой:
И такъ ни Червяка, ни яблока не стало.

XVIII.

ПАСТУХЪ и МОРЕ.

Пастухъ въ Нептуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель,

И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, за то не зналъ
и горя,
И долго участью своей
Довольный, можетъ быть, онъ многихъ былъ
Царей.
Но, видя, наконецъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ анбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли, —
Пастухъ на то прельстился;
Распродалъ стадо, домъ, товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль, и за Море пустился.
Однако же походъ его недологъ былъ;
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ
изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря Морямъ,
Пошелъ онъ въ Пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде пасъ овецъ своихъ:
Теперь пасетъ овецъ чужихъ

Изъ платы. Съ нуждою однако жъ хошь
большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другова,
Скопилъ денжёнокъ онъ, завелся спадомъ
снова,
И сталъ опять своихъ овечекъ Пастухомъ.
Вошъ, нѣкогда, на берегу морскомъ,
При стадѣ онъ своемъ,
Въ день ясный сидя,
И видя,
Что на Морѣ едва колышется вода,
(Такъ Море присмирѣло),
И плавно къ пристани бѣгущъ по ней суда:
«Мой другъ!» сказалъ: «опять ты денегъ
захошѣло;
Но ежели моихъ, пустое дѣло!
Ищи кого иного ты провесть,
Опъ насъ тебѣ была ужъ честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманешь:
А опъ меня впередъ копѣйки не достанешь.»

Басню эпу лишнимъ я почелъ бы толковать;
Но, какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастныхъ опъ нее,

Ни одного, кто не былъ ей обманутъ;
А мнѣ, что̀ говорить ни станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое.

XIX.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ встарину велось обыкновенье,
Когда кого хоронятъ пышнѣе хоронить,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ вынь.
Вотъ, нѣкогда, на знатномъ погребеньѣ
Толпа сихъ плакальщицъ, подявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожала вѣчной
На упокой.
Тутъ странникъ, думая, что, въ горести сердечной
То, рвется вся покойника родня,
«Скажите,» говоритъ: «не рады ли бъ вы были,
Когда бъ его вамъ воскресили?

Я Магъ; на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ —
Покойникъ оживетъ сей часъ.» —
«Отецъ!» вскричали всѣ: «обрадуй бѣдныхъ насъ!
Одной лишь милости притомъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ бы опять.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова,
Да врядъ ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То выпь по немъ наймутъ насъ вѣрно снова.»

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему нибудь годна.

XX.

МАЛЬЧИКЪ и ЗМѢЯ.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ Змѣю, и, возрившись опъ страха,
Спалъ блѣденъ, какъ его рубаха.

Змѣя, на Мальчика спокойно посмотря,
«Послушай,» говоритъ: «коль ты умнѣй не
будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись
впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!»

XXI.

ПЧЕЛА и МУХИ.

Двѣ Мухи собрались летѣть въ чужіе краи,
И стали подзывать съ собой туда Пчелу.
Имъ насказали попуги
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ, на родинѣ своей,
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;

А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
«Путь добрый вамъ,» Пчела на это отвѣчала:
«А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Опъ всѣхъ за сопы я любовь себѣ сыскала,
Опъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите!
Вездѣ вамъ будетъ счастье тожъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны;
А рады пауки лишь будутъ вамъ
И шамъ.»

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишёнъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, шамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его шамъ праздность не досадна.

XXII.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, прудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ шерпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березняку и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?» —
«Въ томъ,» отвѣчалъ сосѣдъ:
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ шерпѣньѣ.»

XXIII.

МОТЪ и ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто; наконецъ
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой,
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но, Ласточку увидя, малой мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,
Что Ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной:
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой:
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны? —
Догадки малаго умны;

Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что Ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно, опять ошколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрыпятъ обозы,
Изъ прубъ сполбами дымъ, въ окошницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слёзы,
И Ласточку свою, предтечу тёплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замершую. Тупѣ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
«Проклятая! сгубила ты себя;
А, попадѣясь на тебя,
И я теперь не во время безъ шубы!»

XXIV.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
По мнѣ пускай, что̀ хочешь, говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиноватъ! —

Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить,
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста,
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью васъ даетъ возможность,
И ваша слава ужъ не та.
Ужели не глядѣть? Ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякой шагъ
Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.
Аннточка, мой другъ!
Я для тебя и для твоихъ подругъ,
Придумалъ басеньку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не пыпѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ Ягненкомъ;
Поставь свою ты куклу въ уголокъ;
Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ сдуру,

Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Взревѣли, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнавъ его, отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И проспоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы Ягненокъ былъ умѣнъ:
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

XXV.

СОЧИНИТЕЛЬ и РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ же часъ, Грабитель

(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ,
И въ пеплю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена, сладкогласенъ,
И, какъ Сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Что трескашься сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонёкъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгарался.
Вопъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ:

Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не видя облегченья,
Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ:
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ;
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно:
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
«Несчастный!» говоритъ она:
«Ты ль Провидѣнію пеняешь?
И ты ль съ Разбойникомъ себя равнялешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты... уже твои давно исплѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ онъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ онъ вѣку люттѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла

И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть? Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный
видъ облёкъ
И страсти и порокъ?
И вонъ, упоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови — ты виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ, здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра,
Сказала гнѣвная Мегера —
И крышкою нахлопнула котёлъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

БАСНИ.

I.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши разцвѣтший Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день настałъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!» —
«Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ли, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты

На это нѣтъ.

Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ;
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время, ихъ жалѣя, коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О, вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:
Куда лишь лучь его достигнетъ; тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ;
Какъ чистый лучь въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

II.

БУЛЫЖНИКЪ и АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось наконецъ купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ,
И украшеніемъ сталъ Царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился;
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
«Пожалуй-ста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!

За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти
я пою?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ
валялся;
Такой же камень онъ, и мнѣ набитой брать.
Возьми жъ меня: какъ знать? Коль тамъ
я покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся.»
Взялъ камень мужичекъ на свой тяжелый
возъ,
И въ городъ онъ его привёзъ.
Вдался камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для
мостовой.

III.

ПЛОТИЧКА.

Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ удается,
Что крылышки сожжетъ мой мотылёкъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ:
Онъ и для взрослаго хорошъ и для ребенка.
Ужли вся басня тутъ? ты спросишь; погоди.
Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вотъ вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.
Что жъ дѣлать, милый другъ: возьми терпѣнье!
Я самъ того жъ боюсь.
Но какъ же быть? Теперь я старъ становлюсь:
Погода къ осени дождливѣй,

А люди къ старости болтливѣй.
Но чтобы дѣла мнѣ не выпустишь изъ глазъ,
То выслушай: слыхалъ я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ
И говорятъ:
За что винить тутъ? это шалость;
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ страстью,
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ баснькой себя ты позабавить;
Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она,
И можетъ съ пользою тебя наставить.

Не помню у какой рѣки,
Злодѣи царства водянаго,
Пріонтъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, поблизости у берега крутаго,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и пригожъ лукава,
Небоязливаго была Плотичка права:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла,

И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ
клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ, въ чаяньѣ награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка;
Вошь, думаетъ, взяла: въ немъ сердце встре-
пенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь, крючекъ безъ
червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,
Сорветъ примашку, увернется,
И, хошь ты что, обманетъ рыбака.
«Послушай,» говоритъ другая ей плотница:
«Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ про-
спишься.
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ
бѣдѣ.
Сегодня съ рукъ сошло, а завтра — кто
порука?»
Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.
— «Вошь,» говоритъ моя Плотва:
«Вѣдь я не близорука!
Хошь хитры рыбаки, но страхъ пустой
ты брось!
Я вижу хитрость ихъ насквозь.

Вотъ видишь уду! Вотъ закинута другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!»
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась:
Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду.
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

IV.

ПАУКЪ и ПЧЕЛА.

По мнѣ шалаши тѣ негодны,
Въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ;
Хоть иногда и имъ дивится свѣтъ.

Купецъ на ярманку привезъ полотны;
Они такой товаръ, что надобно для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбоя нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ
съ рукъ,

Завистливый Паукъ
На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ надиво,
Засѣлъ, надувшися, спѣсиво,
Отъ лавки не отходитъ прочь,
И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ: но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
«Вотъ,» говоритъ: »жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье:
Купцово, иль мое?» —
«Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ?»
Пчела отвѣтствуетъ: «извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?»

V.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Когда почтенъ быть хочешь у людей,
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

Мужикъ съ Змѣею подружился.
Извѣстно, что Змѣя умна:
Такъ вкралась въ Мужика она,
Что ею только онъ и клялся и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
«Помилуйте,» Мужикъ пеняетъ:
«За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?» —
«Нѣтъ,» кумъ-Мапвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:
«Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ;
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Не огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ:
Но что жъ за радость, разсуди,

Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?»

VI.

КОТЕЛЪ и ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ Котломъ большую дружбу свелъ:
Хотя и познашнёй породою Котелъ;
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ Котломъ за пашибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,
И съ очага и на очагъ.
Вотъ вздумалось Котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ.
Горшокъ нашъ ошъ Котла никакъ не отстаетъ,

И вмѣстѣ на одну тележку съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; Горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка Горшку большой на-
кладъ.
Однако жъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный Горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ Котломъ чугуннымъ такъ
сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой Котелъ съ дороги воро-
тился;
А отъ Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и въ дружбѣ вещь
святая.

VII.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ столь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой

Глухимъ и томнымъ рыкомъ,
Какъ видитъ, что оселъ туда жъ, натужа грудь,
Собирается его лягнуть;
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе,
«О, боги!» говорилъ, стеная, Левъ тогда:
«Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла:
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.»

VIII.

ЛИСИЦА и ОСЕЛЪ.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?» —
Лисица, встрѣтясь съ Осломъ, его спросила.
— «Сей часъ лишь отъ льва?
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ,

Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старшинными долгами?
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами.» —
«Но ты коснуться льву конечно не дерзнулъ?»
Лиса Осла перерываетъ.
— «Вотъ-на!» Оселъ сей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыты знаетъ!»

Такъ души низкія, будь знатенъ, сколь ты
Не смѣютъ на тебя поднять очи и взгляды;
Но упади лишь съ высоты:
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

IX.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ Дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, вспала,
И рыломъ подрывать у Дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредишь,»
Ей съ Дуба воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть мо-
жетъ.» —
«Пусть сохнетъ,» говоритъ Свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ:
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ
жирѣю.» —
«Неблагодарная!» примолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.»

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

X.

МУХА и ПЧЕЛА.

Въ саду весной, при легкомъ вѣшеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась Муха, сидя,
І на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спѣсиво говоритъ: «Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
С- утра до вечера трудишься цѣлый день!
ла мѣстѣ бы твоемъ я въ сушки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летаешь по балямъ, по гостямъ:
И молвишь, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую шамъ!
Гдѣ только свадьба, именины;

Изъ первыхъ я ужъ вѣрно щупъ.
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки
вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжной,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣ-
жной. » —
«Все это знаю я,» отвѣтствуетъ Пчела:
«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила;
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи.
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ
домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ. » —
«Вотъ,» Муха говоритъ: «гоняютъ! что жъ
такое?
Коль выгоняютъ въ окно, такъ я влечу въ
другое! »

XI.

МЕЛЬНИКЪ.

У Мельника вода плотину прососала:
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А шечь день отто дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А Мельникъ говоритъ: — «Далеко до бѣды,
Не море надо мнѣ воды,
И сю-мельница по весь мой вѣкъ богата.»
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Спалъ жорновъ, мельница не служитъ,
Хватился Мельникъ мой: и охаетъ и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая шечь,

Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя» кричитъ: «хохлашки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.»
И въ пихъ полѣномъ хвать.
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды, пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ верхъ дномъ?

XII.

ЗМѢЯ и ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой,
И злилася на цѣлый свѣтъ;
У ней другаго чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ вблизости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вотъ выползши, она въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яда въ немъ горитъ.
«Что сдѣлалъ я тебѣ?» Змѣѣ онъ говоритъ.
— «Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ нѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня,» шипитъ ему Змѣя:
«Изъ осторожности тебя караю я.» —
«Ахъ, нѣтъ!» онъ отвѣчалъ — и съ жизнью тутъ разстался.

Въ комъ сердце такъ сотворено,

Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ;
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

XIII.

ДИКІЯ КОЗЫ.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ Дикихъ Козъ.
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слёзъ:
«Прекрасно,» говоритъ: «ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;
И не доѣмъ и не досплю,
А милыхъ Козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ мірѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,
И масла и сыры скопляетъ.
Подъ часъ онъ шожъ и шкурки съ нихъ деретъ:
Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ.

А корму на зиму у пастуха запасъ!»
Вотъ отъ своихъ овецъ онъ къ госпьямъ
кормъ шаскаетъ;
Голубитъ ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески спарается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,
Теперь покамѣстъ не до нихъ,
И со своими жъ легче сладить:
Сѣна имъ бросить по клочку,
А спапутъ приступать, шакъ дашь имъ
по шолчку,
Чтобъ мепѣе въ глаза совались.
Да шолько вотъ бѣда: когда пришла весна,
То Козы Дикія всѣ въ горы разбѣжались,
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое же спадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ къ веснѣ съ сумой,
Хотя зимой
На барыши въ умѣ расчитывалъ прекрасно

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ Дикихъ Козъ терять свой кормъ
напрасно,
Не лучше ли бы Козъ домашнихъ поберечь?

XIV.

ГОЛИКЪ.

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь;
Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ мести:
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).
Вотъ развозился мой Голикъ:
По плашью барскому безустали колотитъ,
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотитъ.
И подлинно, что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ:
Что жъ пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

Бываетъ столько же вреда,
Когда
Невѣжа не въ свои дѣла вплетется,
И поправлять труды ученаго возмется.

XV.

БОГАЧЪ и ПОЭТЪ.

Съ великимъ Богачемъ Поэтъ запѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спѣсью весь раздутъ.
«Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель, громовержецъ!»
Кричитъ Поэтъ: «чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ;
Межъ тѣмъ, когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ,
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и пьяни заплылъ жиромъ.» —

«А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ
лиры звуки,»
Юпитеръ отвѣчалъ: «а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить
внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И если бы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ любой ничтожность, —
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой роптalъ.»

XVI.

СОЛОВЬИ.

Какой-то птицеловъ
Весною наловилъ по рощамъ Соловьёвъ.
Пѣвцы разсажены по клѣткамъ, и запѣли;
Хоть лучше бъ по лѣсамъ гулять они хотѣли:
Когда сидишь въ тюрьмѣ, до пѣсень ли ужъ
тутъ?

Но дѣлать нѣчего: поютъ,
Кто съ горя, кто отъ скуки.
Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей
Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:
Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей;
Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.
Сквозь слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле;
Тоскуетъ день и ночь;
Однако жъ думаетъ: «злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособить;
И, кажется, бѣду могу я съ шеи сбыть;
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать:
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Быть можетъ, тѣмъ себѣ награду заслужу,
И онъ мою неволю окончаетъ.»
Такъ разсудилъ, и началъ мой пѣвецъ:
И пѣснью онъ зарю вечерню величаетъ,
И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчаетъ.
Но что же вышло наконецъ?
Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю.
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно

Хозяинъ отворилъ и клѣтки и окно,
И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей,
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ Овцу;
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья — лиса: оно въ мишуту закипѣло.
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоритъ: «Такого-то числа,
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались;
Отъ нихъ лишь косточки, да перушки остались;
А на дворѣ одна Овца была.»
Овца же говоритъ: она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,

Что никогда за ней не знали никакаго
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мяснаго.
И приговоръ лисы вотъ отъ слова до слова:
«Понеже куръ Овца сильнѣй
И съ ними ночь была, какъ видится изъ дѣла;
То я сужу, по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И въ слѣдствіе того казнить Овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.»

XVIII.

СКУПОЙ.

Какой-то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ
Отъ демонскаго воеводы,
Летѣть за придевять земель на многи годы.
А служба такова: хошь радъ, или не радъ,

Исполнить должно повелѣнье.
Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
Какъ безъ себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовые:
Расходы надобно большіе;
Оставить такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могутъ и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ, и вздумалъ наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому,
И говоритъ: «Хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь и веселись,
И трать ихъ безъ боязни!
Когда же придетъ смерть твоя;
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!»

Сказалъ, и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой;
Исправя службу, домовой
Лепится домой
Въ отечески предѣлы.
Что жъ видитъ? О, восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ
Отъ голода издохъ на сундукѣ: —
И всѣ червонцы цѣлы.
Тутъ Духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ,
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

Когда у золота скупой ни ѣстъ, ни пьетъ,
Не домовому ль онъ червонцы бережетъ?

XIX.

ВОЛКЪ и МЫШЕНОКЪ.

Изъ стада сѣрый волкъ
Въ лѣсъ овцу затащилъ, въ укромный уголокъ,
Ужъ разумѣется, не въ гости:

Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И шакъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ;
Оставилъ къ ужину запасъ, и поддѣ лёгъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вопъ, близкаго его сосѣда,
Мышенка запахомъ пирушки привлекло.
Межъ мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мясца, и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой;
Кричитъ онъ: «Караулъ! разбой!
Держите вора! Раззоренье:
Расхитили мое имѣнье!»

Такое жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча-судьи часишки воръ стянулъ:
И онъ кричитъ на вора: караулъ!

XX.

ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!» —
«Ну, каково, пріятель, поживаешь?» —
«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до шла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ шѣхъ поръ.» —
«Какъ шакъ? Плохая, кумъ, игрушка!» —
«Да шакъ. О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знашь, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;

Какъ самъ оспался живъ, считаю право
дивомъ.
Я, пожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ
за пивомъ,
И тоже черезъ чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугара;
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потемкахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ той поры колѣка.» —
«Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что вы сожегъ свой дворъ, а вы на косныхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо;
Да врядъ не хуже ль и въ потемкахъ.»

XXI.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бъ надъ рыбами поставить въ воеводы?
Какъ водится, пошли на голоса:
И выбрана была лиса.
Вотъ лисинька на воеводство сѣла:
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичекъ пріятель, сватъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ тѣмъ, какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,
Кумъ рыбку удитъ,
И дѣлитъ съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ:
Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривились вѣсы,
И, улуча свободные часы,

Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, расклалъ у рѣчки огонекъ,
И съ кумушкой попировать сбирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жара, кто какъ могъ;
Всякъ, видя близкій свой конецъ, мешался,
На мужика разинувъ зевъ.
«Кто ты, что дѣлаешь?» спросилъ сердитo левъ.
— «Великій Государь!» отвѣтствуетъ плутовка
(У лисиньки всегда въ запасѣ есть уловка),
«Великій Государь!
Онъ у меня здѣсь главный секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ,
А это Караси, всѣ жители воды:
Мы всѣ пришли сюды
Поздравить, добрый Царь, тебя съ твоимъ приходомъ.» —
«Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? Доволенъ ли вашъ край?» —
«Великій Государь, здѣсь не житье имъ, рай:
Лишь только бъ дни твои безцѣнные продлились.»
(А Рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились.)
— «Да отъ чего же,» левъ спросилъ: «скажи ты мнѣ,

Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?» —
«О, мудрый левъ!» лиса отвѣтствуетъ: «онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ.»
Не могши болѣ тутъ левъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

XXII.

КОТЕНОКЪ и СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ Скворецъ,
Плохой пѣвецъ;
За то ужъ философъ презнатный,
И свелъ съ Котенкомъ дружбу онъ.
Котенокъ былъ ужъ котикъ презрядный,
Но тихъ, и вѣжливъ, и смиренъ.
Вотъ какъ-то былъ въ столѣ Котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучитъ:
Задумчивъ бродитъ онъ, скучаючи поспомъ;
Поводитъ ласково хвостомъ,
И жалобно мяучитъ.

А философъ Котенка учитъ,
И говоритъ ему: «Мой другъ, ты очень
простъ,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ надъ носомъ твоимъ виситъ
щегленокъ:
Я вижу, ты прямой Котенокъ.» —
«Но совѣсть...» — «Какъ ты мало зна-
ешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ,
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудк
А для большихъ умовъ пустыя тол
г
На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ.
Вотъ доказательства тебѣ и вотъ при-
мѣры.»
Тутъ, выведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку на тощакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ такой Котенка,
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однако же второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
И говоритъ Скворцу: «Спасибо, милый
кумъ!

Наставилъ ты меня на умъ.»
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

XXIII.

ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый вѣрный пёсъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу пёсъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластился, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали!
Какую службу ты несешь?» —
«На счастье грѣхъ ропщешь,» Жужутка отвѣчаетъ:

«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ барипомъ; а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?»—«Я» отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
«Живу по-прежнему: терплю и холодъ
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ
дождёмъ.
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?» — «Чѣмъ служишь —
вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу.»

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

XXIV.

КОШКА и СОЛОВЕЙ.

Поймала Кошка Соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила,
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говоритъ лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ
Всѣ пастухи, пастушки безъ ума.
Хотѣла бъ очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ, не будь, мой другъ, упрямъ,
Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что нибудь, тебѣ я волю дамъ,
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю.»
Межъ тѣмъ мой бѣдный Соловей

Едва, едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
«Ну, что же?» продолжаетъ Кошка:
«Пропой, дружокъ, хотя немножко.»
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
«Такъ этимъ-то лѣса ты восхищалъ?»
Съ насмѣшкою она спросила:
«Гдѣ жъ эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку твердятъ?
Мнѣ скученъ пискъ такой и отъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ!»
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни Соловью
Въ когтяхъ у кошки.

XXV.

ПРИХОЖАНИНЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель.
За то уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
.о, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ
дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать бо-
ятся.
Хошь, можешь быть, я тѣмъ немного до-
сажу,
Но, вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣд-
никъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искус-
ства,
Какъ цѣпью золотой,

Возъемля къ небесамъ всѣ помыслы и чув-
ства,
Сей обличала міръ, исполненный пищетой.
Душъ пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жъ изъ Божьяго міряне вышли дому,
«Какой пріятный даръ!»
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ дру-
гому:
«Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца
народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать, чорствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?» — «Ну, какъ не
понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

XXVI.

ВОРОНА.

Когда не хочешь быть смѣшенъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Нашыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спѣсиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ее
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ опять нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.

Она-было назадъ къ своимъ; но ѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея запѣи тѣмъ,
Что отъ Воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полумилліона:
Вонъ выдали Матрену за Барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;
А старая за то, что къ знатнымъ прилелась:
И сдѣлалась моя Матрёна
Ни пава, ни ворона.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА ОСЬМАЯ.

БАСНИ.

I.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛОШАДЬ.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, Лошадь молодая
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
«За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе.
Что можетъ быть, безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой по пустому?
Справилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать,
Все бъ было болѣе похоже то на спасть;

Хошь спряшалъ бы его: я видѣла бъ въ шомъ скупостшь;
А попустшу бросашь! нѣшъ, эшо просшо глупостшь.»
Вошъ къ осени, межъ шѣмъ, овесъ шошъ убранъ былъ,
И нашъ Кресшьянинъ имъ шого жъ Коня кормилъ.

Читашелъ! вѣрно, нѣшъ сомнѣнья,
Чшо не одобришь шы конева разсужденья;
Но съ самой древносши, въ нашъ даже вѣкъ,
Не шакъ ли дерзко человѣкъ
О волѣ судишъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпошѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли, ни пушей?

II.

БѢЛКА.

У льва служила Бѣлка,
Не знаю какъ и чѣмъ; но дѣло шолько въ шомъ,
Чшо служба Бѣлкина угодна передъ львомъ;

А угодить на льва, конечно, небездѣлка.
За то обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ.
Обѣщанъ—между тѣмъ все время улетаетъ;
А Бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ,
И скалитъ передъ львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотритъ: по лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ
Орѣшки, знай-себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ.
Но наша Бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядитъ — нельзя никакъ:
На службу льву ее то кличутъ, то щолкаютъ.
Вотъ Бѣлка наконецъ ужъ стала и старa,
И льву наскучила; въ отставку ей пора.
Отставку Бѣлкѣ дали,
И точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на отборъ: орѣхъ къ орѣху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубовъ у Бѣлки нѣтъ.

III.

ЩУКА.

На Щуку подань въ судъ доносъ,
Что отъ нея живья въ прудѣ не стало;
Уликъ предетавленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались;
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однако жъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя, да два иль три козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была лиса за Прокурора.
И слухъ между народа шолъ,
Что Щука лисинькѣ снабжала рыбный
столъ;
Совсѣмъ шѣмъ, не было въ судьяхъ лице-
пріязни,
И то сказать, что Щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ.
Такъ дѣлать нѣчего: пришло писать указъ,

Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
«Почтенные судьи!» Лиса тутъ приступила:
«Повѣсить мало: я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.»—«Прекрасно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бросили въ рѣку.

IV.

КУКУШКА и ОРЕЛЪ.

Орелъ пожаловалъ Кукушку въ соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ,
Усѣвшись важно на осинѣ,
Талантцы въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ — всѣ прочь летятъ,
Одни смѣются ей, а тѣ ее браняшъ.

Моя Кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ Орлу спѣшитъ
она,
«Помилуй!» говоритъ: «по твоему ве-
лѣнью
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяшся смѣютъ пѣнью!» —
«Мой другъ!» Орелъ въ отвѣтъ: «я Царь —
но я не Богъ:
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заста-
вить;
Но сдѣлать соловьемъ Кукушку я не могъ.»

V.

ЛЕВЪ, СЕРНА и ЛИСА.

По дебрямъ гнался Левъ за Сернои;
Уже ее онъ настигалъ,
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Обѣдъ себѣ въ ней, сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ;

Но Серна легкая всѣ силы напяпула;
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой Левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ — Лиса.
«Какъ!» говоритъ она: «съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь Сернѣ хилой!
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То вѣрно перескочешь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ опиваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости и легкости твоей.»
Тутъ кровь во Львѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однако жъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ, и до смерти убился.
А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихохоньку во врагъ спустился,
И, видя, что ужъ Льву ни лести, ни услугъ

Не надо болѣ,
Онъ на просторѣ и на волѣ
Справлялъ поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга огладалъ.

VI.

БРИТВЫ.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ почевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милой?....Я надѣюсь,

Не боленъ ты.» — «Охъ! ничего: я
брѣюсь.» —
«Какъ! столько?» Тутъ я вспалъ; гляжу:
проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ
рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались
кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что дива!» я сказалъ: «ты самъ себя ши-
рапишь.
Пожалуй посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы — косари;
Не бришься — мучишься ты только съ ни-
ми станешь.» —
«Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень глупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ
ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.» —
«А я, мой другъ, тебя увѣрить
смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй;
Умѣй владѣть лишь ею.»

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:

Не такъ ли многіе, хошь стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

VII.

БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

«Ну, стóитъ ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ!
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ,
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;
Я, даже, дѣлалъ бы добро другимъ.
А богачей скупыхъ на муху жизнь похожа.»
Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,

Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лёжа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку про-
лѣзъ,
Кто говоритъ, колдунъ; кто говоритъ, что
бѣсъ;
Послѣднее едва ли не вѣрнѣе:
Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ — и началъ такъ: «Ты хочешь
быть богатъ,
Я слышалъ; для чего служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ,
не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ
другой.
И такъ, пріятель мой,
Разбогатѣешь теперь въ твоей лишь
волѣ.
Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Испратишь одного червонца ты неволенъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька.»
Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ? — Чуть вѣрится ему, что то
не сонъ:

Едва червонецъ выпешъ онъ,
Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
«Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастіе продлится!»
Бѣднякъ мой говоритъ:
«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ, завтра же богатъ я буду,
И заживу какъ сибаритъ.»
Однако жъ поутру онъ думаетъ другое.
«То правда,» говоритъ: «теперь я сталъ богатъ;
Да кто жъ добру не радъ!
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Не ужъ-то лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!
Вотъ на̀ домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
Одинъ денекъ,
А впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю.»
Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ —

Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ
счетъ;
Межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьётъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за тужъ
рабошу.
День кончится, и по его расчету,
Ему всегда чего нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Прійдетъ къ рѣкѣ — воротится опять.
«Какъ можно,» говоритъ: «опять кошелька
отстать,
Когда мнѣ золото рѣкою само льется?»
И наконецъ бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ;
Какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ.
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:
Онъ сталъ и слабъ и хилъ; здоровье и покой,
Утративъ все; но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы вонъ шаскаетъ.
Таскалъ, шаскалъ.... и чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

VIII.

СОКОЛЪ и ЧЕРВЯКЪ.

Въ вершинѣ дерева за вѣшку уцѣпясь,
Червякъ на ней качался.
Надъ Червякомъ Соколъ, по воздуху носясь,
Такъ съ высоты шутилъ и издѣвался;
«Какихъ ты, бѣдненькій, трудовъ не перенёсъ!
Что жъ прибылн, что ты высоко такъ заползъ?
Какая у тебя и воля и свобода?
И съ вѣшкой гнешься ты, куда велитъ погода.» —
«Тебѣ шутить легко,»
Червякъ отвѣтствуетъ: «летая высоко,
За тѣмъ, что крыльями и силенъ ты и крѣпокъ;
Но мнѣ судьба дала достоинства не тѣ:
Я здѣсь на высотѣ
Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ!»

IX.

ПУШКИ и ПАРУСА.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Онѣ, Пушки, выставясь изъ порповъ вонъ
носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О, боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное твореньe
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что̀ дѣлаютъ они во весь нашъ трудный
путь?
Лишь только вѣтеръ спанетъ душь,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по Океану,
И только чваняться; а мы громимъ въ боякъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на
моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть
и страхъ?

Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами.
Летни же, помоги, могущій нашъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!
Борей послушался — летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ спрашиво грянулъ,
Корабль мой недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пушками, какъ ключь, онъ ко дну канулъ.

Держава всякая сильна,

Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна;
А паруса — гражданскія въ ней власти.

X.

БУЛАТЪ.

Булатной сабли острый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ;
Съ нимъ вмѣстѣ вынесенъ на рынокъ,
И мужику за даромъ проданъ тамъ.
У мужика запѣи не велики:
Онъ отыскалъ шотчасъ въ Булатѣ прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клинокъ черенокъ,
И сталъ Булатомъ драть въ лѣсу на лапти лыки,
А дома запросто лучину имъ щепать;
То вѣшви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычину къ огороду.
Ну такъ, что не прошло и году,
Какъ мой Булатъ въ зубцахъ и въ ржавчинѣ кругомъ,
И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ

Верхомъ.

Воинъ ежъ, въ избѣ подъ лавкой лежа,
Куда и клинокъ брошенъ былъ,
Однажды такъ Булашу говорилъ:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булашъ.
Такъ много громкаго неложно говорятъ,
Не стыдно ли тебѣ щепать лучину,
Или обтесывать чурбину,
И наконецъ игрушкой быть ребятъ?» —
«Въ рукахъ бы воина врагамъ я былъ ужасенъ,»
Булашъ отвѣтствуетъ: «а здѣсь мой даръ напрасенъ;
Такъ низкимъ лишь трудомъ я занятъ здѣсь въ дому:
Но развѣ я свободенъ?
Нѣтъ, стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, къ чему я годенъ.»

XI.

КУПЕЦЪ.

«Поди-ка, братъ, Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? поди сюда скорѣй,
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по моему, такъ будешь не въ накладѣ.»
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику Купецъ.
«Ты знаешь Польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
За тѣмъ, что онъ и старъ, и подмоченъ, и гнилъ:
Вѣдь это я сукно за Англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку.
Богъ олушка послалъ!» —
«Все это, *дядя*, такъ,» племянникъ отвѣчалъ:
«Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ:
Вглядись-ко; ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.»
Обманутъ! обманулъ Купецъ: въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтъ,

Повыше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на шу же стать идетъ;
Почти у всѣхъ во всемъ одинъ расчетъ:
Кого кто лучше проведетъ,
И кто кого хитрѣй обманетъ.

XII.

МИРОНЪ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить;
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.
На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди; а едва ль сосѣди и неправы,
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ?
А бѣднымъ никогда не дастъ копѣйки онъ.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народѣ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.

И подлинно, кто ни придетъ къ воро-
шамъ —
Они ни заперты никакъ.
«Ахти!» подумаютъ: «бѣдняжка раззорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ
собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться;
Дай Богъ, здоровому съ двора убраться.
Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во свя-
тыхъ.
Всѣ говорятъ: «нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собакъ такихъ онъ дер-
житъ злыхъ,
И трудно до него добиться:
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться.»

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты;
Да только все собаки виноваты —
Мироны жъ сами въ сторонѣ.

XIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛИСИЦА.

Лиса Крестьянину однажды говорила:
«Скажи, кумъ милый мой!
Чѣмъ лошадь опъ тебя шакъ дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда съ тобой?
Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;
Въ дорогу ль — съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;
А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей
Едва ль она не всѣхъ глупѣй?» —.
«Эхъ, кумушка, не въ разумѣ шутъ сила!»
Крестьянинъ отвѣчалъ: «все это суета.
Цѣль у меня совсѣмъ не та:
Мнѣ нужно, чтобъ она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута.»

XIV.

ОСЕЛЪ.

Былъ у Крестьянина Оселъ,
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужичку нельзя имъ было нахвалишься;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ —
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой Оселъ; сталъ важничать, гордишься
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ),
И думаетъ теперь: большой онъ баринъ сталъ;
Но вышелъ новый чинъ Ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ Осламъ служишь урокомъ).
Сказать вамъ должно напередъ,
ВъОслѣ немного чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ, иль въ огородъ,
Наѣсится досыта, и выйдетъ тихомолкомъ

Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ.
Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняетъ то изъ ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ въ овсѣ, услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну такъ, что бѣдный нашъ вельможа
До осени зачахъ,
И кости у Осла остались лишь, да кожа.

И у людей въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ какъ звонокъ, —
Звукъ отъ него и громокъ и далёкъ.

XV.

ФИЛИНЪ и ОСЕЛЪ.

Слѣпой Оселъ въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальный путь, было, пустился),

Но къ ночи въ чащу такъ забрелъ мой сумаброд,
Что двинушься не могъ ни взадъ онъ, ни впередъ,
И зрячему бы тутъ не выйти изъ хлопотъ;
Но Филинъ вблизости, по счастію, случился,
И взялся быть Ослу проводникомъ.
Всѣ знаютъ, Филины какъ ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
Все это различалъ мой Филинъ будто днёмъ.
И къ утру выбрался на ровный путь съ Осломъ.
Ну, какъ съ проводникомъ такимъ разстаться?
Вотъ просится Филипа Оселъ, чтобъ съ нимъ остаться,
И вздумалъ изойти онъ съ Филиномъ весь свѣтъ.
Мой Филинъ, господиномъ
Усѣлся на хребтѣ ослиномъ,
И стали путь держать; счастливо ль только? нѣтъ:
Лишь солнце на небѣ поутру заиграло,
У Филипа въ глазахъ темнѣе ночи стало;
Однако жъ Филинъ мой упрямъ;
Ослу совѣтуетъ и вкось и вприямъ.

«Осперегись!» кричитъ: «направо будемъ въ лужѣ.»
Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.
«Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!»
И — бухъ Оселъ и съ Филиномъ въ оврагъ.

XVI.

СОБАКА и ЛОШАДЬ.

У одного крестьянина служа,
Собака съ Лошадью считалися какъ-то сшали.
«Вотъ,» говоритъ Барбосъ: «большая госпожа!
По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другаго не слыхать;
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу;

А ночью домъ я сберегу.» —
«Конечно,» Лошадь отвѣчала:
«Твоя правдива рѣчь;
Однако же, когда бъ я не пахала,
То нѣчего бъ тебѣ здѣсь было и сберечь.»

XVII.

ЛЕВЪ.

Когда ужъ Левъ спалъ хилъ и старъ,
То жесткая ему постель надоѣла:
Въ ней больно и костямъ; она жъ его не грѣла.
И вотъ сзываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ.
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и косматыхъ,
И говоритъ: «Друзья! для старика,
Постель моя ужъ черезчуръ жестка:
Такъ, какъ бы не плача ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Мнѣ шерсти пособрать,
Чтобъ не на голыхъ камняхъ спать.» —

«Свѣтлѣйшій Левъ!» отвѣтствуютъ вельможи:
«Кто станетъ для тебя жалѣть своей,
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у насъ мохнатыхъ здѣсь звѣрей:
Олени, серны, козы, лани: —
Они почти не платятъ дани; —
Набрать съ нихъ шерсти поскорѣй.
Отъ этого ихъ не убудетъ;
Напротивъ, имъ же легче будетъ.»
И тотчасъ выполненъ совѣтъ премудрый сей.
Левъ не нахвалится усердіемъ друзей;
Но въ чемъ же то они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣдняжекъ захватили
И дочиста обрили;
А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своимъ ни волоскомъ;
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился,
Изъ той же дани поживился —
И на зиму себѣ запасся тюфякомъ.

XVIII.

З М Ѣ Я.

Змѣя Юпитера просила,
Чтобъ голосъ дать ей соловья.
А то ужъ,» говоритъ: «мнѣ жизнь моя по-
сшыла.
Куда ни покажуся я,
То всѣ меня дичатся,
Кто послабѣй;
А кто меня сильнѣй,
Дай Богъ отъ шѣхъ живой убрашься.
Нѣшъ, жизни эшакой я болѣ не снесу:
А если бъ соловьемъ запѣла я въ лѣсу,
То, возбудя бы удивленье,
Снискала бы любовь и, можешъ бышь, по-
чшенье.
И спала бы душей веселыхъ я бесѣдъ.»
Исполнилъ Юпитеръ Змѣи прошенье;
Шипѣнья гнуснаго пропалъ у ней и слѣдъ.
На дерево всползя, Змѣя на немъ засѣла;
Прекраснымъ соловьемъ Змѣя моя запѣла,
И спая, было, пшицъ отвсюду къ ней подсѣла;
Но, возряся въ пѣвца, всѣ съ дерева дождемъ.

Кому понравится такой пріемъ?
«Ужли вамъ голосъ мой противенъ?»
Въ досадѣ говоритъ Змѣя.
— «Нѣтъ,» отвѣчалъ скворецъ: «онъ звученъ, дивенъ;
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,
Когда увидѣли твое мы жало;
Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой.
И такъ скажу тебѣ, не для досады,
Твоихъ мы пѣсень слушать рады —
Да только ты отъ насъ подалѣ пой.»

XIX.

ВОЛКЪ и КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости; но, живота спасая,
За шкуру онъ свою дрожалъ.
Охотники за нимъ гнались и гончихъ спая.
Онъ радъ бы въ первыя шутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой, на заборѣ

Кота,
И молитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ!
Все это вѣдь за мной.» — «Проси скорѣй Сипепана.
Мужикъ предобрый онъ,» Котъ-васька говоритъ.
— «То такъ; да у него я ободралъ барана.» —
«Ну попытайся жъ у Демьяна.» —
«Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка.» —
«Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трооимъ.» —
«Къ Троеному? нѣтъ, боюсь и встрѣтишься я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка.»
— «Ну плохо жъ! Но, авось тебя укроетъ Климъ!» —
«Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!» —
«Что̀ вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ,»
Сказалъ тутъ Васька Волку:
«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они;
И правы, самъ себя вини.
Что ты посѣялъ — то и жни.»

XX.

ЛЕЩИ.

Въ саду у барина въ прудѣ,
Въ прекрасной ключевой водѣ
Лещи водились.
Станицами они у берега рѣзвились,
И золотые дни, казалось имъ, катились.
Какъ вдругъ
Къ нимъ баринъ напустить велѣлъ съ полсотни щукъ.
«Помилуй!» говоритъ его, что слыша, другъ:
«Помилуй, что ты затѣваешь?
Какого ждать отъ щукъ добра:
Вѣдь не останется Лещей здѣсь ни пера.
Иль жадности ты щукъ не знаешь?» —
«Не трать своихъ рѣчей,»
Боярину отвѣчалъ съ улыбкою: «все знаю;

Да шолько вѣдать я желаю,
Съ чего шы взялъ, что я охотникъ до
Лещей? »

XXI.

ТРИ МУЖИКА.

Три Мужичка зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Пиперѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ Мужичекъ не любитъ тощій
спать,
То ужинать себѣ спросили госпи наши.
Въ деревнѣ что̀ за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да что̀ осталось каши.
Не то бы въ Пиперѣ, да не о томъ ужъ рѣчь;
Все лучше, чѣмъ голодным лечь.
Вотъ Мужички перекрестились,
И къ чашѣ пріютились.
Какъ шутъ одинъ, посмѣшливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ шѣмъ поправить

(Гдѣ силой взять нельзя, шамъ надо полукавить)
«Ребята,» говоритъ: «вы знаете Фому,
Вѣдь въ пьяный наборъ забрѣютъ лобъ ему.» —
«Какой наборъ?» — «Да шакъ.» — «Есть слухъ — война съ Китаемъ.
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ Китайцевъ чаемъ.»
Тутъ двое принялись судить и разсуждать,
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и, подъ часъ, реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили, да рядили,
Да войска разводили
Онъ ни гугу — и щи и кашу, все пріѣлъ.

Иному, до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего.
Что будетъ съ Индіей, когда и отъ чего
Такъ ясно для него:
А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(*Басни, отличенныя звѣздочкою, значатъ переводъ, или подражаніе.*)

КНИГА ПЕРВАЯ.

	Стран.
I. Ворона и Лисица*	3.
II. Дубъ и Трость*	5.
III. Музыканты	7.
IV. Два Голубя*	8.
V. Лягушка и Волъ*	13.
VI. Ворона и Курица	14
VII. Ларчикъ	15.
VIII. Моръ Звѣрей*	17.
IX. Пѣтухъ и Жемчужное Зерно*	21.
X. Разборчивая Невѣста*	22.
XI. Волкъ и Ягненокъ*	25.
XII. Парнасъ	27.
XIII. Левъ и Комаръ*	28.
XIV. Оракулъ	31.
XV. Роща и Огонь	32.
XVI. Лягушки, прослщія Царя*	34.

Стран.

XVII. Старикъ и трое Молодыхъ * . . . . 38.
XVIII. Орелъ и Куры . . . . . 40.
XIX. Муха и Дорожные * . . . . . 42.
XX. Обезьяны . . . . . 44.
XXI. Пустынникъ и Медвѣдь * . . . . 46.
XXII. Стрекоза и Муравей * . . . . . 49.
XXIII. Квартетъ . . . . . 50.

КНИГА ВТОРАЯ.

I. Чижъ и Ежъ . . . . . 55.
II. Левъ на ловлѣ * . . . . . 56.
III. Синица . . . . . 57.
IV. Оселъ . . . . . 59.
V. Червонецъ . . . . . 61.
VI. Безбожники . . . . . 63.
VII. Мартышка и Очки . . . . . 65.
VIII. Троежепецъ . . . . . 66.
IX. Левъ и Барсъ . . . . . 67.
X. Вельможа и Философъ . . . . . 69.
XI. Раздѣлъ . . . . . 70.
XII. Собачья дружба . . . . . 72.
XIII. Бочка . . . . . 74.
XIV. Прохожіе и Собаки . . . . . 76.
XV. Волкъ на псарнѣ . . . . . 77.
XVI. Лжецъ . . . . . 79.
XVII. Ручей . . . . . 82.
XVIII. Лисица и Сурокъ . . . . . 84.
XIX. Заяцъ на ловлѣ . . . . . 86.
XX. Орелъ и Пчела . . . . . 87.

Страп.

XXI. Щука и Котъ . . . . . 89.
XXII. Волкъ и Кукушка . . . . . 91.
XXIII. Крестьянинъ и Работникъ . . . . 93.
XXIV. Обозъ . . . . . 94.
XXV. Демьянова Уха . . . . . 96.

КНИГА ТРЕТІЯ.

I. Откупщикъ и Сапожникъ* . . . . 101.
II. Воронепокъ* . . . . . 105.
III. Крестьянинъ и Смерть* . . . . 107.
IV. Подагра и Паукъ* . . . . . 108.
V. Лисица и Виноградъ* . . . . . 112.
VI. Оселъ и Соловей . . . . . 113.
VII. Слонъ на Воеводствѣ . . . . . 114.
VIII. Крестьянинъ въ бѣдѣ . . . . . 116.
IX. Хозяинъ и Мыши . . . . . 118.
X. Слонъ и Моська . . . . . 119.
XI. Волкъ и Волченокъ . . . . . 120.
XII. Обезьяна . . . . . 122.
XIII. Совѣтъ Мышей . . . . . 123.
XIV. Мышокъ . . . . . 125.
XV. Котъ и Поваръ . . . . . 128.
XVI. Огородникъ и Философъ . . . . 130.
XVII. Крестьянинъ и Лисица . . . . 133.
XVIII. Воспитаніе Льва . . . . . 135.
XIX. Лисицы и Корни . . . . . 139.
XX. Гуси . . . . . 141.
XXI. Свинья . . . . . 143.
XXII. Орелъ и Паукъ . . . . . 144.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стран.

I. Лань и Дервишъ . . . . . 149.
II. Орелъ и Кротъ . . . . . 150.
III. Волкъ и Лисица . . . . . 152.
IV. Бумажный Змѣй . . . . . 154.
V. Дерево . . . . . 155.
VI. Лебедь, Щука и Ракъ . . . . . 156.
VII. Собака . . . . . 157.
VIII. Механикъ . . . . . 158.
IX. Прудъ и Рѣка . . . . . 160.
X. Тришкинъ Кафтанъ . . . . . 162.
XI. Крестьянинъ и Разбойникъ . . . . 164.
XII. Цвѣты . . . . . 165.
XIII. Любопытный . . . . . 166.
XIV. Мірская Сходка . . . . . 167.
XV. Крестьянинъ и Змѣя . . . . . 169.
XVI. Скворецъ . . . . . 171.
XVII. Волкъ и Журавль * . . . . . 172.
XVIII. Пожаръ и Алмазъ . . . . . 174.
XIX. Крестьяне и Рѣка . . . . . 176.
XX. Добрая Лисица . . . . . 177.
XXI. Водолазы . . . . . 180.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Чижъ и Голубь . . . . . 189.
II. Хмѣль . . . . . 190.
III. Мышь и Крыса . . . . . 191.
IV. Госпожа и двѣ Служанки * . . . . 192.

Стран.

V. Камень и Червякъ . . . . . 194.
VI. Медвѣдь у Пчелъ . . . . . 196.
VII. Конь и Всадникъ . . . . . 197.
VIII. Зеркало и Обезьяна . . . . . 199.
IX. Комаръ и Пастухъ . . . . . 200.
X. Рыцарь . . . . . 201.
XI. Тѣнь и Человѣкъ . . . . . 203.
XII. Крестьянинъ и Топоръ . . . . . 204.
XIII. Туча . . . . . 205.
XIV. Левъ и Волкъ . . . . . 206.
XV. Собака, Человѣкъ, Кошка и Сокол . 207.
XVI. Волкъ и Пастухи * . . . . . 209.
XVII. Слонъ въ случаѣ . . . . . 210.
XVIII. Клеветникъ и Змѣя . . . . . 211.
XIX. Фортуна и Нищій . . . . . 213.
XX. Лягушка и Юпитеръ . . . . . 215.
XXI. Лиса - Строитель . . . . . 217.
XXII. Напраслина . . . . . 219.
XXIII. Фортуна въ Гостяхъ . . . . . 221.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I. Кукушка и Горлинка . . . . . 227.
II. Скупой и Курица * . . . . . 229.
III. Двѣ Бочки . . . . . 230.
IV. Алкидъ * . . . . . 231.
V. Апеллесъ и Оленокъ . . . . . 233.
VI. Водопадъ и Ручей . . . . . 234.
VII. Охотникъ . . . . . 235.
VIII. Пловецъ и Море * . . . . . 237.

Стран.

IX. Крестьянинъ и Змѣя . . . . . 238.
X. Левъ и Лисица * . . . . . 239.
XI. Муравей . . . . . 240.
XII. Овцы и Собаки . . . . . 242.
XIII. Гребень . . . . . 243.
XIV. Оселъ и Мужикъ . . . . . 245.
XV. Медвѣдь въ сѣняхъ . . . . . 246.
XVI. Колосъ . . . . . 247.
XVII. Мальчикъ и Червякъ . . . . . 250.
XVIII. Паспухъ и Море * . . . . . 252.
XIX. Похороны . . . . . 255.
XX. Мальчикъ и Змѣя * . . . . . 256.
XXI. Пчела и Мухи . . . . . 257.
XXII. Трудолюбивый Медвѣдь . . . . . 259.
XXIII. Мотъ и Ласточка * . . . . . 260.
XXIV. Ягненокъ . . . . . 261.
XXV. Сочинитель и Разбойникъ . . . . 263.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I. Василекъ . . . . . 269.
II. Булыжникъ и Алмазъ . . . . . 271.
III. Плотничка . . . . . 273.
IV. Паукъ и Пчела . . . . . 276.
V. Крестьянинъ и Змѣя . . . . . 278.
VI. Кошель и Горшокъ * . . . . . 279.
VII. Левъ состарѣвшійся * . . . . . 281.
VIII. Лисица и Оселъ * . . . . . 282.
IX. Свинья подъ Дубомъ . . . . . 284.
X. Муха и Пчела . . . . . 285.

Стран.

XI. Мельникъ . . . . . 287.
XII. Змѣя и Овца . . . . . 289.
XIII. Дикія Козы* . . . . . 290.
XIV. Голикъ . . . . . 292.
XV. Богачъ и Поэтъ . . . . . 293.
XVI. Соловьи . . . . . 294.
XVII. Крестьянинъ и Овца . . . . . 296.
XVIII. Скупой . . . . . 297.
XIX. Волкъ и Мышенокъ . . . . . 299.
XX. Два Мужика . . . . . 301.
XXI. Рыбьи Пляски . . . . . 303.
XXII. Котенокъ и Скворецъ . . . . . 305.
XXIII. Двѣ Собаки . . . . . 307.
XXIV. Кошка и Соловей . . . . . 309.
XXV. Прихожанинъ . . . . . 311.
XXVI. Ворона . . . . . 313.

КНИГА ОСЬМАЯ.

I. Крестьянинъ и Лошадь . . . . . 317.
II. Бѣлка . . . . . 318.
III. Щука . . . . . 320.
IV. Кукушка и Орелъ . . . . . 321.
V. Левъ, Серна и Лиса . . . . . 322.
VI. Бритвы . . . . . 324.
VII. Бѣдный Богачъ . . . . . 326.
VIII. Соколъ и Червякъ . . . . . 330.
IX. Пушки и Паруса . . . . . 331.
X. Булапъ . . . . . 333.
XI. Купецъ . . . . . 335.

Стран.

XII. Миронъ . . . . . 336.
XIII. Крестьянинъ и Лисица . . . . . 338.
XIV. Оселъ . . . . . 339.
XV. Филинъ и Оселъ . . . . . 340.
XVI. Собака и Лошадь . . . . . 342.
XVII. Левъ . . . . . 343.
XVIII. Змѣя . . . . . 345.
XIX. Волкъ и Конь . . . . . 346.
XX. Лещи . . . . . 348.
XXI. Три Мужика . . . . . 349.